

СВОЙ ПУТЬ

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МАРИЯ САДЛОВСКАЯ

АНДРЕЙ ГЕЛАСИМОВ

АРИАДНА БОРИСОВА

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ОЛЕГ ЖДАНОВ

НИКОЛАЙ КУЦЕНКО

ЛАРИСА РАЙТ

АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ

АЛЕКСЕЙ ЛУКЬЯНОВ

Коллекция современного рассказа

Дмитрий Емец
Свой путь (сборник)

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.132
ББК 84(2Рос=Рус)644

Емец Д. А.

Свой путь (сборник) / Д. А. Емец — «Эксмо»,
2017 — (Коллекция современного рассказа)

У каждого человека – собственный путь и возможность выбирать между добром и злом, бескорыстием и выгодой, правдой и ложью. Героиня рассказа Марии Метлицкой по-ставлена в чрезвычайные обстоятельства – по словам врачей, жить ей осталось совсем недолго. Именно сейчас она должна оценить, что по-настоящему для нее важно. Свой выбор совершают и герои Виктора Пелевина, Дмитрия Емца и других современных писателей, чьи рассказы вошли в сборник.

УДК 821.161.132
ББК 84(2Рос=Рус)644

© Емец Д. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Виктор Пелевин	5
Дмитрий Емец	11
Мария Садловская	15
Андрей Геласимов	19
Ариадна Борисова	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Свой путь (сборник)

Виктор Пелевин Греческий вариант

*There ain't no truth on Earth, man,
there ain't none higher neither¹.*

Hangman's Blues

Вадик Кудрявцев, основатель и президент совета директоров «Арго-банка», был среди московских банкиров вороной ослепительно белого цвета. Во-первых, он пришел на финансовые поля обновленной России не из комсомола, как большинство нормальных людей, а из довольно далекой области – театра, где успел поработать актером. Во-вторых, он был просто неприлично образован в культурном отношении. Его референт Таня любила говорить грамотным клиентам:

– Вы, может, знаете – был такой поэт Мандельштам. Так вот, он писал в одном стихотворении: «Бессонница, Гомер, тугие паруса – я список кораблей прочел до середины...» Это, значит, из «Илиады», про древнегреческий флот в Средиземном море. Мандельштам только до середины дошел, а Вадим Степанович этот список читал до самого конца. Вы можете себе представить?

Особенно сильно эти слова поразили одного готового на все филолога, искавшего в «Арго-банке» кредитов (он хотел издать восьмитомник комиксов по мотивам античной классики). Дослушав Танин рассказ, он немедленно прослезился и вспомнил, как Брюсов советовал молодому Мандельштаму бросить поэзию и заняться коммерцией, но тот сослался на недостаток способностей. По мнению филолога, эти два сюжета, поставленные рядом, убедительно доказывали первенство банковского дела среди изящных искусств. Филолог клялся написать об этом бесплатную статью, но кредита ему все равно не дали. Даже самая изысканная лесть не могла заставить Вадика Кудрявцева начать бизнес с недотепой – прежде всего он был прагматиком.

Прагматизм, соединенный со знанием системы Станиславского, и помог ему выстоять в inferнальном мире русского бизнеса. С профессиональной точки зрения Кудрявцев был великолепно подготовлен. Он владел английским языком, понятиями и пальцовкой – в этой области он импровизировал, но всегда безошибочно. Он умел делать стеклянные глаза человека, опаленного знанием высших государственных тайн, и был неутомимым участником элитных секс-оргий, где устанавливаются самые важные деловые контакты. Он мог, приняв на грудь два литра «Абсолюта», подолгу париться в бане со строгими седыми мужиками из алюминиево-космополитических или газово-славянофильских сфер, после чего безупречно вписывал свой розовый «Линкольн» в повороты Рублевского шоссе на ста километрах в час.

Вместе с тем Кудрявцев был человеком с явными странностями. Он был неравнодушен ко всему античному – причем до такой степени, что многие подозревали его в легком помешательстве (видимо, поэтому приبلудный филолог и решил обратиться к нему за кредитом). Говорили, что надлом произошел с ним еще при работе в театре, во время проб на роль второго пассивного сфинкса в гениальном «Царе Эдипе» Романа Виктюка. В это трудно поверить – как актер Кудрявцев был малоизвестен и вряд ли мог заинтересовать мастера.

¹ «Нет правды на земле, но нет ее и выше». *Тютчев.*

Скорее всего, этот слух был пущен имиджмейкером, когда на Кудрявцева уже падали огни и искры совсем иной рампы.

Но все же, видимо, в его прошлом действительно скрывалась какая-то тайна, какой-то вытесненный ужас, связанный с древним миром. Даже название его банка заставляло вспомнить о корабле, на котором предприниматель из Фессалии плывал не то по шерстяному, не то по сигаретному бизнесу. Правда, была другая версия – по ней слово «арго» в названии банка употреблялось в значении «феня».

Причиной было то, что Кудрявцев, услышав в Америке про мультикультурализм, активно занялся поисками так называемой identity и в результате лично обогатил русский язык термином «бандир», совместившим значения слов «банкир» и «бандит». А мелкие сотрудники банка уверяли, что причина была еще проще – свое дело Кудрявцев начинал на развалинах «Агробанка», и на новую вывеску не было средств. Поэтому он просто велел поменять местами две буквы, заодно избавившись от мрачно черневшего в прежнем названии гроба.

На рабочем столе Кудрявцева всегда лежали роскошные издания Бродского и Калассо со множеством закладок, а в углах кабинета стояли настоящие античные статуи, купленные в Питере за бешеные деньги, – Амур и Галатея, семнадцать веков тянущиеся друг к другу, и император Филипп Аравитянин с вырезанным на лбу гуннским ругательством. Говорили, что мраморного Филиппа за большие деньги пытались выкупить представители фонда Сороса, но Кудрявцев отказал.

Часто он превращал свою жизнь во фрагмент пьесы по какому-нибудь из античных сюжетов. Когда его дочерний пенсионный фонд «Русская Аркадия» самоликвидировался, он не захлопнул стальные двери своего офиса перед толпой разъяренного старичья, как это делали остальные.

Перечтя у Светония жизнеописание Калигулы, он вышел к толпе в короткой военной тунике, со скрещенными серебряными молниями в левой руке и в венке из березовых листьев. Сотрудники отдела фьючерсов несли перед ним знаки консульского достоинства (это, видимо, было цитатой из «Катилины» Блока), а в руках секретаря-референта Тани сверкал на зимнем солнце серебряный орел какого-то древнего легиона, только в рамке под ним вместо букв «S.P.Q.R.» была лицензия Центробанка.

Остолбеневшим пенсионерам было роздано по пять римских сестерциев с профилем Кудрявцева, специально отчеканенных на монетном дворе, после чего он на варварской латыни провозгласил с крыльца:

– Ступайте же, богатые, ступайте же, счастливые!

Телевидение широко освещало эту акцию; комментаторы отметили широту натуры Кудрявцева и некоторую эклектичность его представлений о древнем мире.

Подобные выходки Кудрявцев устраивал постоянно. Когда сотрудников «Арго-банка» будили среди ночи мордовороты из службы безопасности и, не дав толком одеться, везли куда-то на джипах, те не слишком пугались, догадываясь, что их просто соберут в каком-нибудь зале, где под пение флейт и сиринг председатель совета директоров исполнит перед ними уже надоевшее подобие вакхического чарльстона.

Пока странности Кудрявцева не выходили за более-менее нормальные рамки, он был баловнем телевидения и газет, и все его эскапады сочувственно освещались в колонках светской хроники. Но вскоре от его поведения стала поживаться даже либеральная Москва конца девяностых.

Красно-желто-коричневая пресса открыто сравнивала его с Тиберием, к несчастью, Кудрявцев давал для этого все больше и больше оснований. Ходили невероятные истории о роскоши его многодневных оргий в пионерлагере «Артек» – если даже десятая часть всех слухов соответствует истине, и это слишком. Достаточно напомнить, что причиной отказа

Майкла Джексона от запланированного чеченского тура был не излишне бурный энтузиазм чеченского общества, как сообщали некоторые газеты, а финансирование этого проекта «Арго-банком».

Психические отклонения у Кудрявцева начались из-за депрессии, вызванной неудачами в бизнесе. Он потерял много денег и стоял перед лицом еще более серьезных проблем. Ходят разные версии того, почему это произошло. По первой из них, причиной была заморозившая московский финансовый рынок цепь неудачных операций одного полевого командира. По другой, менее правдоподобной, но, как часто бывает, более распространенной, у Кудрявцева возник конфликт с одним из членов правительства, и он попытался опубликовать на него компромат, купленный во время виртуального сэйла на сервере в Беркли.

На это согласился только журнал «Вопросы философии», обещавший напечатать материалы в первом же номере. Кудрявцев лично приехал посмотреть гранки, но в журнале к тому времени успели произойти большие перемены. Встав при появлении Кудрявцева с медитационного коврика, новый редактор открыл сейф и вернул ему пакет с компроматом. Кудрявцев потребовал объяснений. С интересом разглядывая его расшитую павлинами тогу, редактор сказал:

– Вы, я вижу, человек продвинутый и должны понимать, что наша жизнь – не что иное, как ежедневный сбор компромата на человеческую природу, на весь этот чудовищный мир и даже на то, что выше, как намекал поэт Тютчев. Помните – «Нет правды на земле...». В чем же смысл выделения членов правительства в какую-то особую группу? И потом, разве может что-нибудь скомпрометировать всех этих людей? Да еще в их собственных глазах?

Скорее всего пакет с компроматом, так нигде и не вынырнувший, был легендой, но врагов у Кудрявцева было более чем достаточно, и он мог ожидать удара с любой стороны. Пошатнувшиеся дела вынудили его резко пересмотреть свой создавшийся в обществе имидж – особенно в связи с тем, что группировка, под контролем которой он действовал, предъявила ему своего рода ультиматум о моральной чистоплотности. «На нас из-за тебя, – сказали Кудрявцеву, – по базовым понятиям наезжают».

По совету партнеров Кудрявцев решил жениться, чтобы производить на клиентов более степенное впечатление.

Он не стал долго выбирать. Секретарша-референт Таня в ответ на его вопрос испуганно сказала «да» и выбежала из комнаты. Для оформления свадьбы был нанят тот самый филолог, который хотел получить кредит на комиксы.

– Короче, поздняя античность, – сказал Кудрявцев, объясняя примерное направление проекта. – Напиши концепцию. Тогда, может, и на книжки дам.

Филолог имел отдаленное представление о древних брачных обычаях. Но поскольку он действительно был готов на все, он провел вечер над пачкой пыльных хрестоматий и на следующий день изготовил концепт-релиз. Кудрявцев сразу же снял главный зал «Метрополя» и дал два дня на все приготовления.

Как водится, он дал не только время, но и деньги. Их было более чем достаточно, чтобы за этот короткий срок оформить зал. Кудрявцев выбрал в качестве основы врубелевские эскизы из римской жизни. Но филологу, разработавшему проект, этого показалось мало. В нем, видимо, дремал методист – не в смысле религии, а в смысле оформления различных праздников. Он решил, что верней всего будет провести ритуал так, как описано в древних источниках. Единственное описание он нашел в «Илиаде» и, как мог, приспособил его к требованиям дня.

– Было принято собирать лучших из молодежи и устраивать состязания перед лицом невесты, – сообщил он Кудрявцеву. – Мужа выбирала она сама. Этот обычай восходит к микено-минойским временам, а вообще здесь явный отпечаток родоплеменной формации. На самом деле, конечно, жених был известен заранее, а на состязании главным обра-

зом жрали и пили. Потом это стало традицией у римлян. Вы ведь знаете, что Рим эпохи упадка был предельно эллинизирован. И если существовал греческий вариант какого-либо обряда...

– Хорошо, – перебил Кудрявцев, поняв, что филолог может без всякого стыда говорить так несколько часов подряд. – Соберу людей. Заодно и перетрем.

И вот настал день свадьбы. С раннего утра к «Метрополю» съехались женихи на тяжелых черно-синих «Мерседесах». Им объяснили, что свадьба будет несколько необычной, но большинству идея понравилась. Пока гости сдавали оружие и переодевались в короткие разноцветные туники, сшитые в мосфильмовских мастерских, холл «Метрополя» напоминал не то титанический предбанник, не то пункт санобработки на пятизвездочной зоне.

Возможно, гости Кудрявцева с такой веселой легкостью согласились стать участниками еще неясной им драмы именно из-за обманчивого сходства некоторых черт происходящего с повседневной рутинной. Но, когда приготовления были закончены и женихи вошли в пиршественный зал, у многих в груди повеяло холодом.

– Почему темно так? – спросил Кудрявцев. – Халтура.

На самом деле древнеримский интерьер был воссоздан с удивительным мастерством. На стенах, задрапированных синим бархатом с изображениями Луны и светил, висели доспехи и оружие. По углам курились треножники, одолженные в Пушкинском музее, а лежа, где должны были возлежать участники оргии, упирались в длинный стол, убранство которого заставило бы любого ресторанного критика ощутить все ничтожное бессилие человеческого языка. И все же в этой великолепии чувствовалось нечто неизбежно мрачное.

Услышав слова Кудрявцева, крутившийся вокруг него филолог в розовой тунике отчего-то заговорил о приглушенном громе, который молодой Набоков различал в русских стихах начала века. По его мысли, если в стихах было эхо грома, то в эскизах Врубеля, по которым был убран интерьер, был отсвет молнии, отсюда и грозное величие, которое...

Кудрявцев не дослушал. Это, конечно, было полной ерундой. На самом деле зал больше всего напоминал ночной Новый Арбат с горящими огоньками иллюминации, так что опасаться было нечего. Справившись со своими чувствами, он отпихнул филолога ногой и принял из рук мальчика-эфиопа серебряную чашу с шато-дю-прере.

– Веселитесь, ибо нету веселья в царстве Аида, – сказал он собравшимся и первым припал губами к чаше.

Таня сидела на троне у стены. Наряд невесты, описанный у Диогена Лаэртского, был воспроизведен в точности. Как и положено, ее лицо покрывал толстый слой белой глины, а пеплум был вымазан петушиной кровью. Но ее головной убор не понравился Кудрявцеву с первого взгляда. В нем было что-то глубоко совковое – при цезаре Брежнев в такие кокошники одевали баб из фольклорных ансамблей. Подбежавший филолог стал божиться, что лично сверял выкройки с фотографиями помпейских фресок, но Кудрявцев тихо сказал:

– О кредите забудь, гнида.

Под взглядами женихов Таня совсем пригорюнилась. Она уже десять раз успела пожалеть о своем согласии и теперь мечтала только о том, чтобы происходящее быстрее кончилось. На лица собравшихся она старалась не смотреть – ее глаза не отрывались от огромного бюста Зевса, под которым было смонтировано что-то вроде вечного огня на таблетках сухого спирта.

«Господи, – неслышно шептала она, – зачем все это? Я никогда тебе не молилась, но сейчас прошу – сделай так, чтобы всего этого не было. Как угодно, куда угодно – заberi меня отсюда...»

На Зевса падал багровый свет факелов, тени на его лице подрагивали, и Тане казалось, что бог шепчет что-то в ответ и успокаивающе подмигивает.

Довольно быстро собравшиеся напились. Кудрявцев, наглотававшийся каких-то таблеток, стал маловменяем.

– Пацаны! Все знают, что я вырос в лагере, – повторял он слова Калигулы, обводя расширенными зрачками собравшихся.

Сначала его понимали, хоть и не верили. Но когда он напомнил собравшимся, что его отец – всем известный Германик, люди в зале начали переглядываться. Один из них тихо сказал другому:

– Не въеду никак. Отец у нас всех один, а кто такой Германик? Это он про Леху Гитлера из Подольска? Он че, крышу хочет менять? Или он хочет сказать, что на германии поднялся?

Возможно, поговори Кудрявцев в таком духе чуть подольше, у него возникли бы проблемы. Но, на свое счастье, он вовремя вспомнил, что нужно состязаться за невесту.

До этого момента у трона, где сидела Таня в своем метакультурном кокошнике, по двое-трое собирались женихи и говорили о делах, иногда шутливо пихая друг друга в грудь. Назвать это состязанием было трудно, но Кудрявцев был настроен серьезнее, чем формальные претенденты. Растолкав женихов, он поднял руку и дал знак музыкантам.

Умолкли флейты, замолчал переодетый жрецом Кибелы шансонье Семен Подмосковский, до этого певший по листу стихи Катулла. И в наступившей тишине, нарушаемой только писком сотовых телефонов, гулко и страстно забил тимпан.

Кудрявцев пошел по кругу, сначала медленно, подолгу застывая на одной ноге, а потом все быстрее и быстрее. Его правая рука со сжатой в кулак ладонью была выставлена вперед, а левая плотно прижата к туловищу. Сначала в этом действительно ощущалось нечто античное, но Кудрявцев быстро впал в экстаз, и его движения потеряли всякую культурную или стилистическую окрашенность.

Его танец, длившийся около десяти минут, был неопишимо страшен. В конце он упал на колени, откинулся назад и принялся бешено работать пальцами выброшенных перед собой рук. Туника задралась на его мокром животе, и отвердевший член, раскачиваясь в такт безумным рывкам тела, как бы ставил восклицательные знаки в конце кодированных посланий, отправляемых в пустоту его пальцами. И во всем этом была такая непобедимая ярость, что женихи дружно попятились назад. Если у кого-то из них и были претензии по поводу слов, произнесенных Кудрявцевым несколько минут назад, они исчезли. Когда, обессилев, он повалился на пол, в зале надолго установилась тишина.

Открыв глаза, Кудрявцев с удивлением понял, что женихи смотрят не на него, а куда-то в сторону. Повернув голову, он увидел человека, которого раньше не замечал. На нем была ярко-красная набедренная повязка и черная майка с крупной надписью «God is Sexy». Эта майка, не вполне вписывавшаяся в стилистику вечера, уравнивалась сверкающим гладиаторским шлемом, похожим на комбинацию вратарской маски с железным сомбреро. За спиной у человека был тростниковый колчан, полный крашенных охрой стрел. А в руках был неправдоподобно большой лук.

– Объявись, братуха, – неуверенно сказал кто-то из женихов. – Ты кто?

– Я? – переспросил незнакомец глухим голосом. – Как кто? Одиссей.

Первым кинулся к дверям все понявший филолог. И его первого поразила тяжелая стрела. Удар был настолько силен, что беднягу сбило с ног, и, конечно, сразу же отпали все связанные с восьмитомником вопросы. Пока женихи осмыслили случившееся, еще трое из них, корчась, упали на пол. Двое отважно бросились на стрелка, но не добежали.

Неизвестный стрелял с неправдоподобной быстротой, почти не целясь. Все рванулись к дверям, и, конечно, возникла давка, женихи отчаянно колотили в створки, умоляя выпустить их, но без толку. Как выяснилось впоследствии, за дверью в это время сразу несколько служб безопасности держали друг друга на стволах, и никто не решался отпереть замок.

В пять минут все было кончено. Кудрявцев, припиленный стрелой к стене, что-то шептал в предсмертном бреду, и из его перекошенного рта на мрамор пола капала темная кровь. Погибли все, кроме спрятавшегося за клепсидрой Семена Подмосковного и потерявшей сознание Тани.

Придя в себя, она увидела множество людей, сновавших между трупами. Протыкая воздух растопыренными пальцами, они возбужденно говорили по мобильным и на нее не обратили внимания. Встав со своего трона, она сомнамбулически прошла между луж крови, вышла из гостиницы и побрела куда-то по улице.

В себя она пришла только на набережной. Люди, шедшие мимо, были заняты своими делами, и никто не обращал внимания на ее странный наряд. Словно пытаясь что-то вспомнить, она огляделась по сторонам и вдруг увидела в нескольких шагах от себя того самого человека в гладиаторском шлеме. Завизжав, она попятилась и уперлась спиной в ограждение набережной.

– Не подходи, – крикнула она, – я в реку брошусь! Помогите!

Разумеется, на помощь никто не пришел. Человек снял с головы шлем и бросил его на асфальт. Туда же полетели пустой колчан и лук. Лицом незнакомец немного походил на Аслана Масхадова, только казался добрее. Улыбнувшись, он шагнул к Тане, и та, не соображая, что делает, перевалилась через ограждение и врезалась в холодную и твердую поверхность воды.

Первым, что она ощутила, когда вынырнула, был отвратительный вкус бензина во рту. Человека в черной майке на набережной видно не было. Таня почувствовала, что рядом с ней под водой движется большое тело, а потом в воздух взлетел фонтан мутных брызг, и над поверхностью реки появилась белая бычья голова с красивыми миндалевидными глазами – такими же, как у незнакомца с набережной.

– Девушка, вы случайно не Европа? – игриво спросил бык знакомым по «Метрополю» глухим голосом.

– Европа, Европа, – отплевываясь, сказала Таня. – Сам-то ты кто?

– Зевс, – просто ответил белый бык.

– Кто? – не поняла Таня.

Бык покосился на сложной формы шестиконечные кресты с какими-то полумесяцами, плывшие над ограждением набережной, и моргнул.

– Ну, Зевс Серапис, чтоб вам понятней было. Вы же меня сами позвали.

Таня почувствовала, что у нее больше нет сил держаться на поверхности – отяжелевший пеплум тянул ее на дно, и все труднее было выгребать в мазутной жиже. Она подняла глаза – в чистом синем небе сияло белое и какое-то очень древнее солнце. Голова быка приблизилась к ней, она почувствовала слабый запах мускуса, и ее руки сами охватили мощную шею.

– Вот и славно, – сказал бык. – А теперь полезайте мне на спину. Понемногу, понемногу... Вот так...

Дмитрий Емец Почтовая голубица

На дворе март, взбалмошно сияет солнце, истекают слезами сосульки, но здесь, в квартире № 15, где пахнет старыми вещами и стоят на полках фарфоровые безделушки, вечная осень.

Старушка-одуванчик: дунешь – рассыплется. Девятый десяток разменян. Волосы редкие, тонкие – пушинки. Всюду приглажены, одна лишь прядка над правым ухом бунтует, что придает Одуванчику вид немного легкомысленный. Стоит старушка у окошка, у фиалки сухие цветочки отщипывает.

Да только мысли ее не здесь, не в фиалке и не в капели. Видно, что старушка в большом нетерпении, то оглянется, то переступит с ноги на ногу, то рот откроет, да тотчас и закроет. Наконец, решившись, быстрыми семенящими шажками старушка подходит к дверям и заискивающе окликает:

– Коралла Алексеевна! Коралла Алексеевна!

После второго призыва из соседней комнаты доносится скрип кровати и раздраженное сопение. Одуванчик пугается.

– Как же так? Вы спите, лапочка?

– Поспишь с вами, Тамара Васильевна! – раздраженно откликается толстый голос. – Едва с давлением перемучалась и вот – разбудила, дура!

Одуванчик втягивает голову в плечи. Однако она уже решилась, отступить поздно.

– Коралла Алексеевна, будьте так добры... Можно вас побеспокоить? – зовет она с щепетильной старушечьей гипервежливостью.

Яростно скрипит сетка кровати. Глухие удары босых пяток по ковру, затем более громкие – по линолеуму. Одуванчик, слушая эти гневные шаги, съеживается еще больше.

В комнату входит грузная усатая старуха лет семидесяти пяти. Это Коралла Алексеевна Швыдченко, седьмая вода на киселе. Племянница жены давно умершего брата Одуванчика или что-то в этом роде. По ее синему халату крупными пятнами разбегаются цветы – несуществующая в природе помесь мака и розы.

Речь выдает в Коралле южанку. Звук «г» звучит у нее с придыханием. Вместо «што» она говорит «шо», а в моменты удивления или радости, разводя руками, произносит с непередаваемой экспрессией: «Тю! Да ты шо!»

Но сейчас не такой момент. Сейчас разбуженная старуха не в духе. Войдя в комнату, Коралла устремляет на Одуванчика сердитый взгляд.

– Сколько ж можно? Готовить – я, рынок – я, аптека – я... Вот подохну как собака, вы ж меня еще и переживете. Ну чего вам, Тамара Васильевна? Снова читать? – шипит она.

Одуванчик с надеждой кивает.

– Шо читать-то? Вы ж его небось наизусть знаете. Или от чтения там чего новое появится? – язвит Коралла Алексеевна и, топая по комнате, начинает брюзжать.

Одуванчик виновато моргает и дожидается, пока минует гроза. Наконец грузная старуха берет со стола растрепанное письмо, подносит его к глазам и собирается уже читать, но тут ей приходит в голову, что она недостаточно накуражилась за прерванный сон.

– Чего ж сами не читаете? Вам написано – не мне! Вот и читайте, а я все – баста! – сопит она, пытаясь насильно всунуть письмо в ладонь Одуванчику.

Старушка берет письмо и, щурясь, вертит его. Коралла испытующе наблюдает. Вся ее массивная фигура выражает превосходство и провокацию.

Внезапно Одуванчик преображается. Во всем она готова уступить, но только не в том, что составляет для нее единственную ценность. Она захлебывается от возмущения, заикается и даже не договаривает слов.

– Вы... вы... я... вы...

Усатая старуха равнодушно слушает. В волнении и заикании Одуванчика для нее нет ничего нового, все это она уже слышала многократно. Коралле известно, что сейчас среди прочих слов прозвучит колючее, похожее на краба с клешнями слово «катаракта». Коралла ждет. Наконец слово звучит, и седьмая вода на киселе удовлетворенно кивает.

Одуванчик замолкает, чтобы вдохнуть, и, икая, моргает припухшими веками.

– Ехали бы к себе в Винницу! Да только не очень-то вас там ждут. Со всеми переругались! – всхлипывает напоследок Одуванчик.

Это замечание нарушает привычное течение размолвки. Задетая Коралла закипает и начинает кричать. Кричит она громко, побеждая противника не столько вескостью аргументов, сколько мощностью звука. Это она-то не нужна? Ее не ждут? Да на кой черт ей сдалась эта Москва? На кой черт ей нянчиться тут со старухой?

Коралла кричит тем громче, что действительно знает: не нужна она в Виннице, да и не к кому ей там ехать.

Децибелы нарастают. Перепуганный Одуванчик жмет дряблой спинкой к обоям и готовится пищать «караул!». И вот в момент, когда по всем канонам должен произойти чудовищный взрыв и разорвать Одуванчика в клочья, Коралла внезапно сдувается. Некоторое время она еще бормочет, но уже вяло, без запала, и наконец замолкает.

В комнате с розовыми шторками повисает тишина. Одуванчик моргает. Коралла, остывшая, бухает пятками по ковру. Минут через десять седьмая вода на киселе сердито останавливается и берет письмо.

Одуванчик робко присаживается на край дивана. Мир установлен.

– Ну слушайте, Тамара Васильевна, лапочка вы моя! – передразнивает Коралла и начинает читать.

Читает она внятно, громко, но без выражения. Разделения на предложения не делает, отчего кажется, что на железный лист через равные промежутки времени роняют по крупной фасоліне.

«Дорогая бабуся!

В каждом письме ты спрашиваешь меня, как я. У меня все как всегда, то есть нормально. Живу на севере, работаю на прежнем месте. На работе меня уважают, зарекомендовал я себя хорошо, с товарищами живу мирно. Здоровье у меня хорошее, ничего не болит, ничего не отморозил, в больнице тоже не лежал. Ты, старушка, не волнуйся. Водки я уже не пью, потому что в ней все зло, только иногда вино или бутылочку пива, но это когда какое событие или праздник.

Питаюсь хорошо. Желудок работает нормально, и это хорошо, потому что многие нажили тут от сухомятки язвы...»

– Ох ты батюшки! Язvu! – с ужасом восклицает Одуванчик.

Коралла кисло смотрит на нее и продолжает:

«Одеваюсь я тепло. Недавно купил себе куртку импортную с высоким воротом, называется «аляска». Обуваюсь так, как требует погода. Так что ты, бабуся, будь спокойна. Каждый вечер смотрю телевизор, в том числе «Вести», чтобы быть в курсе событий, чего где в мире случилось. Показывает он у нас отлично, хотя до вышки далековато...»

– Ты про тощих, про тощих прочитай! – нетерпеливо подсказывает Одуванчик.

Коралла хмурится и повышает голос:

«Ты, бабуся, в письме спрашиваешь, женился ли я? Где тут женишься, потому что девушек тут порядочных нету, а те, что есть, все б... Накрасют себе губы, юбки натянут такие, из-под которых попу видать, так и ходют, щеголяют, даже когда чулки к ногам примерзают. Мне на таких смотреть противно. К тому же они еще и тощие. Недавно вот гулял тут с одной. Ни кожи, ни рожи, как говорится. Ухватишь, так меж пальцев выскользнет...»

Дочитав до этого места, Коралла громко плюет, косится на Одуванчика и продолжает:

«Так что, бабуся, я пока не женился и не собираюсь... Ну чего тебе еще написать? Ты пишишь, чтобы я скорее приезжал или забрал тебе к себе, а то ты не доживешь, и похоронить тебя будет некому. Ничего, бабулька, доживешь, ты у меня старуха крепкая, а забрать тебя не могу, потому что тут ты будешь не устроена, да и климат холодный. Приехать тоже не могу, потому что билеты стоят дорого да и далеко ехать. По этой же причине, что денег мало, я и не помогаю тебе матерьяльно. За это ты меня, бабуся, прости.

Ну вот и все, закругляюсь, потому что весь лист уже исписал. Твой внук Сережа».

Письмо давно прочитано, а Одуванчик все сидит на диване с умиротворенным и счастливым лицом. То же письмо она слушала и вчера, и на прошлой неделе. Если бы не приходили ей письма, то совсем извелась бы от беспокойства, а так ничего, можно жить. Жаль, только глаза не видят, даже почерка Сережкиного не различить. Ну да ничего, Коралла прочтет, хотя тяжело с ней, с Кораллой, да Бог ей судья.

Потом старухи ужинают. Одуванчик жует, глотает, но вкуса не ощущает. Она опять что-то планирует.

– Коралла Алексеевна, лапочка, напишем ответ? – робко спрашивает она.

– Да уж два раза писали! – с добродушным дребезгом в голосе отвечает Коралла.

Одуванчик вздыхает, но не настаивает, только спрашивает:

– А адрес вы правильно заполнили?

Коралла шевелится, но беззлобно. На сегодня она уже отгремела.

– Первый раз, что ли? – ворчит она.

Через час Одуванчик вновь приходит в беспокойство и семенит к Коралле.

– Давно чего-то от Сережки новых писем не приходило! Уж не случилось ли чего с ним?

– Накаркаете тоже... Мужики они писать не больно-то. Ничего, пришет, не денется, – отвечает Коралла.

Так проходит этот день, один из множества мартовских дней. Таким же был февраль, январь, таким же, если доживут, будет и май.

Вечером, когда Одуванчик засыпает, Коралла тихо заглядывает к ней в комнату. Простояв некоторое время в дверях, она идет на кухню, берет лист бумаги и, почти не размышляя, начинает писать:

«Дорогая бабуся!

Вот снова пишу тебе письмо, потому что знаю, что ты вся уже извелась. Здоровье у меня по-прежнему хорошо, ничего не болит, даже простуды и те не липнут, хотя многие тут подцепили грипп. Несколько дней был снег, а теперь вот снова солнце...»

Пишет Коралла увлеченно, даже, пожалуй, вживаясь в образ. Впрочем, уж что, а рука у нее набита. Какое это письмо? Тридцатое, пятидесятое? Она уже и со счета сбилась.

Никого, кроме внука, нет у Одуванчика. А внук семнадцать лет уж как уехал в Якутию бурить там скважины, да и сгинул. Ни письма, ни открытки, ни звонка. Пробовала Коралла выяснять, да разве что выяснишь? Отвечают «адресат выбыл», и точка.

То ли забыл внук бабу, то ли сел, а, скорее всего, давно уж помер. Дело известное, северное – напился пьяным, заснул на морозе, вот и готов покойник. А зашибать-то Серега и раньше любил.

Закончив писать, Коралла зевает и, перечитав письмо, прячет его в конверт. Завтра она пойдет в магазин за продуктами и, вернувшись, скажет, что нашла его в ящике. Коралла встает и, гулко бухая каменными пятками, идет спать.

Мария Садловская Ромашки

При виде в подземном переходе нищих Ольга, как бы ни спешила, всегда подавала милостыню. При этом чувствовала себя неудобно, будто стыдилась чего-то. Давая мелочь, старалась не смотреть в лицо просящего: ей казалось, она делает ему больно. Хотя куда уж больнее! Подруга всегда ее ругала, говоря, что мы сами плодим лентяев и дармоедов. Возможно, она была права. Ольга с нею на эту тему не спорила, но молча продолжала поступать по-своему. Особенно после одного случая, когда, спеша, пробежала мимо нищего, а потом в автобусе у нее вытащили из сумочки кошелек с деньгами и ключи. Ольга, конечно же, не была суеверной. Тем не менее после этого происшествия старалась не изменять своей привычке.

В последнее время нищих поубавилось. Возможно, за счет повышения благосостояния или же, что ближе к истине, по причине естественной убыли. В подземном переходе остался один старик. Он всегда сидел на складном стульчике, а у его ног лежала замусоленная фуражка, куда редкие прохожие бросали мелочь. Этого старика Ольга замечала и раньше. Что-то неуловимое отличало его от остальных. Даже если в его фуражке оказывалась более крупная купюра, он не раболепствовал, а лишь глухим голосом произносил еле различимое «спасибо». Лицо его заросло грязно-седой растительностью, а потому возраст определить было затруднительно.

Сегодня Ольга, как всегда обвешанная сумками, спешила домой. В магазинчике перед подземным переходом купила горячих булочек, которые так нравились всем домашним, и спустилась по ступенькам вниз. Нищий, как обычно, сидел на своем стульчике. Ольга, увидев его, вдруг вспомнила: денег у нее совсем не осталось, даже мелочи. На какую-то минуту ей стало стыдно: как же можно пройти мимо? Старик, возможно, именно ее ждал, зная, что она всегда подает. Думая так, она приблизилась к нищему и непроизвольно поставила около него сумки. У его ног привычно лежала фуражка. Там виднелась скудная мелочь. А рядом (совсем уж неожиданно!) на расстеленной бумаге лежал пучок белых ромашек. Назвать это букетом нельзя: ромашки были подвявшие и не крупные, садовые, а полевые.

«Он, наверное, хотел их с утра продать, но никто не купил. И, как назло, у меня сегодня не осталось денег», – с досадой подумала Ольга и обратилась к старику:

– Дедушка, извините! У меня сегодня нет денежек. Но я угощу вас булочкой. Вот, возьмите! Она еще тепленькая.

Ольга вытащила из пакета мягкую булку и протянула ее старику. Тот взял ее двумя ладонями, а потом, не раскрывая рта, прижался к булке губами, будто целовал.

«Наверное, он очень голоден, – подумала Ольга и, быстро подобрав свои сумки, поспешила домой».

Жили они с мужем вдвоем. Сын и дочь обзавелись своим жильем и семьями. Ольга не так давно вышла на пенсию, но продолжала подрабатывать. Хотелось иногда побаловать внуков подарками, а на пенсию свою и мужа не очень-то разгонишься. Вот и приходилось крутиться. Да и вообще Ольга была из тех женщин, которые не смиряются с подступающей старостью. Она всегда старалась следить за своей внешностью и в силу своих возможностей прилично одеваться.

Однажды с сумками в обеих руках Ольга остановилась около старика и стала искать в кошельке мелочь. Ромашки лежали рядом. Женщина уже привыкла, что рядом с фуражкой всегда лежат цветы. А спросить старика, продаются ли они, ей было неловко. В этот раз нищий протянул к ней руку за милостыней. Рука на удивление была довольно чистой. Только

на фалангах всех четырех пальцев были какие-то рубцы типа наростов. Ольга поспешно, стараясь не касаться его руки, положила в ладонь деньги и подняла сумки, чтобы идти. И вдруг старик произнес:

– Женщинам нельзя носить тяжести!

Ольга будто споткнулась. Собственно в самой фразе ничего необычного не было. Необычно было то, что старик впервые заговорил. И еще. Интонация и своеобразная манера растягивать слова напомнили Ольге что-то давно забытое. «Я привыкла!» – сказала она, не придумав ничего лучше, и поспешно ушла.

А вечером, когда улеглась спать, ей опять пришел на ум старик-нищий. Она поймала себя на мысли, что натужно пытается что-то вспомнить. Возможно, из далекого прошлого. С нею так частенько бывало. Как будто от того, вспомнит или нет, зависело все дальнейшее. Так было и в этот раз. Отправной точкой была фраза, сказанная им: «Женщинам нельзя носить тяжести». Конечно, ей и раньше говорили это и муж, и дети. Но что делать: жизнь была не из легких.

Перед глазами Ольги встала яркая картина: она совсем молодая, работала на заводе машинисткой в отделе снабжения. С утра в ее кабинет приходили технологи, мастера. Им надо было печатать накладные, какие-то реестры. В то время для всех она была Оленькой. Только один технолог всегда называл ее Олей. Кажется, его звали Алексей Вадимович. Все его считали немного странным, да и сама Ольга тоже. И по отчеству его называли с нотками иронии в силу его молчаливости. Вспомнился случай. Ольга уже была замужем. Ее сыну Юрику было пять лет. Садик закрыли на неделю на карантин, и Ольге пришлось каждый день тащиться на работу с ребенком. Юрик был не капризным мальчиком, но высидеть в кабинете целый день было немыслимо. Как назло, на работе был завал, и отпустить Ольгу не могли. Муж Ольги к тому времени тоже работал в двух местах. Короче, ребенок всю неделю ходил с Ольгой на работу. Помнится, первый день, как пришли, у двери кабинета уже стоял Алексей Вадимович с бумагой в руках, которую надо было печатать. Юрик минут десять посидел спокойно, а потом захныкал, Ольга была в отчаянии, ведь впереди еще была целая неделя! Правда, начальник сказал, что после обеда будет отпускать ее домой, но с условием, что та сделает всю дневную работу...

Как только она тогда выдержала? А очень просто. Алексей Вадимович каждое утро брал мальчика с собой, говоря, что работы у него сегодня до обеда нет. Разве что в заводском музее надо взять кое-какие данные, и мальчику там будет интересно. Сначала Ольга очень волновалась, но после того, как к обеду Алексей Вадимович привел ребенка, сказав, что они уже пообедали в заводской столовой, успокоилась. Он ее тогда здорово выручил этот странный Алексей Вадимович!

И к чему она сейчас это вспомнила? Ах да! К тому, что жизнь была не сахар и сумки таскать приходилось постоянно. Потом родилась дочь. Ольга с малышкой долго не сидела, год спустя опять вышла на работу. Сумки становились все тяжелее. Муж все так же, где мог, подрабатывал. Алексей Вадимович работал на том же месте. Часто Ольга шла с работы вместе с ним. Наверное, ему было по пути. Так, по крайней мере, думалось ей... Алексей Вадимович брал ее сумки и нес до самого дома. Их путь домой пересекала железная дорога, и, когда шлагбаум был закрыт, они несколько минут стояли, ждали, когда пройдет поезд. На обочине железной дороги буйно цвели полевые ромашки.

Однажды Алексей Вадимович, держа в одной руке обе сумки, сорвал несколько ромашек и протянул их Ольге со словами:

– Вот, носи цветы! А тяжести женщинам носить нельзя!

Ольга цветы взяла, хотя была равнодушна к ним, а мужчина продолжал дальше:

– Тем более что это твои цветы!

– Что значит, мои цветы? – спросила Ольга.

– Ну, смотри: ромашка круглая, и имя «Оля» тоже круглое с обеих сторон. И красивые оба: ромашка и Оля.

– Алексей Вадимович, это вы сейчас придумали, да? Признайтесь! – подозрительно спросила Ольга.

– Признаюсь, – коротко ответил, улыбаясь, Алексей Вадимович, и они пошли дальше. Забирая сумки у мужчины, Ольга обратила внимание, что у него на пальцах руки – наколки. По одной букве на каждом пальце. Получалось «Леша».

– Что это вы, Алексей Вадимович, в тюрьме сидели, что ли? Ведь наколки только у зеков бывают.

Мужчина покраснел, поспешно сунув руку в карман, ответил:

– Я на флоте служил. Там друг другу делали наколки. Глупость, конечно. Молодой был...

Да что же это такое? К чему сейчас Ольга это вспоминает? Ведь ей уже спать давно пора. Но мысли ей уже не подчинялись. Они неслись стремительным потоком, а перед глазами Ольги возникали все новые и новые картинки.

Вот через пару дней после того, как Ольга узнала, что ромашка – это ее цветок, Алексей Вадимович пришел на работу с забинтованной рукой. Конечно же, Ольга спросила, что случилось.

– Да вот, вздумал вывести эту наколку на пальцах, но попала инфекция. Говорит врач, теперь шрамы будут. Но пусть лучше шрамы, чем «как у зеков».

Стоп! Вот еще одна точка отсчета! Шрамы на пальцах. Видимо, со временем шрамы могут превратиться в наросты. Но и это не главное. Узнать бы, как его зовут. Ольге хотелось, чтобы она ошиблась. Чтобы все было как раньше. Вот она спешит домой, по пути подает милостыню нищему, не глядя ему в лицо, и через минуту забывает об этом. Ведь так много дел и проблем в повседневной жизни!..

Но картинки из прошлого продолжали жить своей жизнью. Они выстраивались в ряд: букетик ромашек, где каждая ромашка была Олей, фраза, сказанная стариком, шрамы на пальцах... Ольга поняла, что обмануть себя не удастся. Слабая ниточка надежды на то, что у нищего другое имя, порвалась. Женщина поняла, что это он, Алексей Вадимович. Она его всегда так называла. Но почему? Как? Как он оказался в таком положении?! Ведь его в свое время очень ценили на работе. Он был хорошим специалистом. Станным его считали из-за его замкнутого характера и молчаливости.

Какое-то время Ольга не заходила в подземный переход, думая, что все это постепенно отступит от нее. Не отступило. Особенно когда оставалась наедине со своими мыслями. И женщина решилась.

С утра напекла пирогов. Несколько штук положила в пакет, оделась более тщательно, чем всегда, и пошла. Она уже решила, о чем будет говорить со стариком. Во-первых, спросит его имя, хотя в ответе не сомневается. А потом предложит ему работу. У Ольги еще остались связи. Конечно, не по специальности. Кто сейчас по ней работает? Так, где-нибудь убирать, что-нибудь поднести. Он всего лет на пять старше Ольги, значит, физически еще сможет работать. Приняв решение, женщина успокоилась. Она подходила к месту, где постоянно находился нищий. Не дойдя нескольких шагов, Ольга услышала громкий разговор, чуть ли не переходящий в скандал:

– Андрюха, это не твое место! Ты чего здесь уселся?

Вышеозначенный Андрюха сидел на деревянном ящике. У его ног была картонная коробочка для подаяния, а там, где всегда лежали ромашки, стояла грязная пластмассо-

вая бутылка, до половины наполненная мутной жидкостью. Сделав несколько глотков из бутылки, Андрюха авторитетным голосом отвечал:

– Меня сам Петрович сюда посадил. Это теперь мое место!

Собеседник Андрюхи, ратуя за справедливость и брызгая слюной из-за отсутствия зубов, зашелся в тираде:

– Да здесь же Леха всю жисть сидит! Куда же его теперь!?

Ольга стояла в сторонке. Услышав слово «Леха», она не удивилась, а лишь горько усмехнулась. Спор продолжался дальше. Андрюха, посасывая из бутылки, коротко ответил:

– Нету Лехи!

– А чего, забухал? – понимающе подмигивая, выспрашивал собеседник.

– Ты чего? Леха совсем не употреблял, сердце не позволяло! – с видом оскорбленного ответил Андрюха.

– А-а! Понял, его Петрович в другое место перевел, – продолжал догадываться собеседник Андрюхи, обеспокоенно наблюдая за пустеющей бутылкой.

– Никуда его Петрович не перевел. Леха сам умер. Здесь же на этом месте и концы отдал. «Скорая» приехала, да уж поздно. Сказали, сердце отказало. Я сегодня его с утра поминаю. Возьми, здесь еще немножко осталось. Помяни Леху!

Ольга все слышала. И было у нее состояние какой-то отрешенности и отупения. Пакет с теплыми пирожками грел ей руки. Это вернуло Ольгу к действительности. Она очнулась, подошла к нищим и отдала им пакет. Затем, не слушая восторженных слов благодарности, повернулась и медленно удалилась. Вдоль ларьков сиял красками цветочный ряд. У Ольги зацепало в глазах, видимо, от ярких красок. Она ускорила шаг и там, где заканчивались цветы, увидела старушку, которая продавала букетики полевых ромашек. Скромные ромашки не выдерживали конкуренции цветочного ряда, поэтому старушка стояла поодаль. Ольга подошла к ней, молча положила деньги и взяла букетик. Старушка заохала:

– Доченька, у меня сдачи не будет. Разменяй где-нибудь!

– Не надо сдачи, бабушка, – промолвила Ольга. Но старушка волновалась:

– Миленькая, а может, ты плохо видишь? Это ведь большая денюжка! Придешь домой и недостатку обнаружишь. А мне ведь чужого не надо. Я уже старая!

– Нет, бабушка, я хорошо вижу. Возьмите, пусть это будет на помин души.

– Спасибо, милая! Помяну, обязательно, а как же? А тебе здоровья пожелаю!

Старушка, все еще опасливо озираясь вокруг, засобиравшись домой. Ольга, взяв цветы, медленно пошла. Она оказалась у пруда. Место было безлюдное, и женщина села на свободную скамейку. Посмотрела на спокойную гладь воды и вдруг заревела. Громко, по-бабьи. Катящиеся по щекам слезы были какими-то колючими. Ольга со злостью их вытирала.

Через какое-то время успокоилась. Взгляд ее остановился на ромашках. Она рассматривала цветы, зная, что каждый из них – это Оля. Потом Ольга бросила букетик в воду. Не хотела, чтобы ромашки завяли у нее в вазе. Лучше она их запомнит вот такими свежими. Букетик упал и колыбелькой закачался на воде. Ольга успокоилась. Слезы на щеках высохли.

Она не ощущала боли, равно как и утраты, зная, что уже к вечеру все вернется на круги своя. И лишь остался без ответа вопрос: зачем прошлое неожиданно врывается в нашу жизнь, не испросив ни у кого разрешения?

Андрей Геласимов

Ты можешь

Человек не должен забивать себе голову всякой ерундой. Моя жена мне это без конца повторяет. Зовут Ленка, возраст – 34, глаза карие, любит эклеры, итальянскую сборную по футболу и деньги. Ни разу мне не изменяла. Во всяком случае, не говорила об этом. Кто его знает, о чем они там молчат. Я бы ее убил сразу на месте. Но так вообще нормально вроде живем. Иногда прикольно даже бывает. В деньги верит как в бога. Не забивай, говорит, себе голову всякой ерундой. Интересно, чем ее тогда забивать? Я вот сижу, например, думаю: сколько лет могут прослужить стулья? То есть не просто обыкновенные стулья, а те стулья, которые ты еще сам и не покупал. В смысле, которые от родителей там, от друзей. Начало семейной жизни. А что еще, собственно, дарить на свадьбу? То есть какую часть своей жизни ты можешь безвозвратно просидеть на стульях, за которые не платил? Получается, что пятнадцать лет. Пятнадцать лет сидения на бесплатных стульях – двое детей, в желудке какие-то язвы, устойчивая неприязнь к любому начальству, все отношения со старыми друзьями давным-давно псу под хвост плюс привычка ненавидеть родню – а ты все еще думаешь, что жизнь только начинается.

Совершенно случайно наткнулся на школьные фотографии. Алешка, самый незабываемый друг (из-за чего потом поссорились? Не виделись уже, наверное, лет семь), стоит рядом с этой девочкой. Нелепая школьная любовь. Половое созревание. Девочка из левой совершенно семьи. Учителя были категорически против. Не думаю, что волновались за нравственность. Больше всего их раздражал мезальянс. Тоже искали социальной гармонии. Но забеременела. Это даже Алешку привело в чувство. Впрочем, никакого суицида – ни уксуса, ни таблеток. Девочки-одноклассницы на кухне делали большие глаза, но кончилось все скучно. Просто аборт и ощущение серой пыли кругом. Как будто небо такое в облаках, и неизвестно, когда распогодится. Здравствуй, взрослая жизнь.

Но на фотографии этого нет. Стоят, улыбаются. У нее от ветра волосы разлетелись. Только что вышли из школы. Последний звонок. Он махнул мне тогда рукой и сказал:

– Крышку с объектива сними. Ты крышку, дурак, снять забыл.

Я тут теперь посчитал – выходит, что семнадцать лет прошло с тех пор, как он мне это сказал. Что происходит, на фиг, со временем?

Так или иначе, но стулья от него лучше не становятся.

– Ты или новые покупай, или я не знаю! – заорала Ленка, свалившись на пол, когда у последнего стула отлетела спинка. – Дети ведь могут убиться. Достал уже всех со своей машиной!

Никакие дети, конечно, на этих стульях бы не убились. Они уже четко помнили – на спинки опираться нельзя. Это только мама у них была такая неловкая. Надо было в школе чаще на физкультуру ходить. Может, и на диетах теперь бы сидеть не пришлось.

– Не ори, – сказал я. – Чего разоралась? Машина тут совсем ни при чем.

– Сто раз повторяла – купи новые стулья. На прошлой неделе сам ведь чуть не свалился.

– Мне нужно лобовое стекло поменять.

– Достал уже всех со своей машиной!

На следующий день пошли обмывать новые стулья.

– Может, лучше пешком? – предложила Ленка. – Тут ведь ходу всего десять минут.

И смотрит на меня такими невинными глазами.

Я думаю, ладно, не буду из-за ерунды поднимать скандал.

– А на фиг я ее покупал? Чтобы пешком по городу пыль глотать?

– Да ну тебя! Я ведь просто прогуляться тебе предложила.

Потом целый вечер она втирала Семеновым про нашу предстоящую поездку в Америку. Ей очень хотелось, чтобы они сдохли от зависти. Но они не подышали и все время переводили разговор на другую тему. Ленка от этого сердилась и беспрестанно курила. Пепел она нарочно сыпала на скатерть. Когда Семеновым надоела ее настойчивость, они стали кашлять и поглядывать на часы.

– Ну что же, – наконец сдалась моя Ленка. – Засиделись мы, пора домой. Дети не любят долго одни оставаться. Теперь в следующий раз – вы к нам. Приходите, посидите на новых стульях.

– Разумеется, – улыбнулись Семеновы. – Обязательно к вам придем.

– Козлы! – сказала Ленка, когда мы вышли на улицу.

– Перестань ругаться. Вдруг они стоят на балконе и все слышат.

– Козлы, – повторила она, но уже как бы без восклицательного знака.

– Может, пойдем пешком? – сказал я. – А то, кажется, водочки было слишком много.

– Испугался? Не фиг было тогда сюда на машине приезжать. Достал уже всех со своей машиной.

– Ты пьяная.

– А ты-то какой?

– И я пьяный.

– А Семеновы твои – козлы.

– Они не мои.

– Вернее, это Семенов козел, а Семенова твоя – козлиха.

– Она не моя.

– Не ори. Чего ты на меня разорался?

– Может, пойдем пешком?

– Фиг тебе! Я сама за руль сяду. Где эта долбаная машина?

– Вот она. Ты тоже не ори. Ни за какой руль ты у меня не сядешь.

– Ну и пошел ты со своей машиной. И Семеновы тоже твои пошли.

– Вперед не садись. А то еще вырвет.

– Пусть вырвет. Сам потом будешь мыть. Вылизывать свою любимую машину.

– Пристегнись.

– Ты что, «Формулу-1», что ли, себе купил?

– Пристегнись, говорю, и хватит болтать. Ты меня отвлекаешь.

– Достал уже всех со своей машиной.

– Дверцу закрой.

– Я ее закрыла.

– Ты видишь, лампочка не погасла? Значит, у тебя дверь не закрыта.

– Ну, выйди тогда и закрой ее сам.

– Если вывалишься, я не виноват.

– Ты никогда ни в чем не виноват. У тебя всегда другие виноваты.

– Ты можешь немного помолчать? Я ведь треснусь во что-нибудь обязательно.

– Да ты треснуться-то нормально не можешь. Ну, куда ты едешь?.. Стой! – вдруг изо всех сил закричала она.

Я резко затормозил, но было уже поздно. Машину по инерции протащило вперед, и мы стукнулись в левый бок бежевой иномарки.

– Ну что, дорогой? – сказал подошедший через минуту кавказец. – Выходи, разговаривать будем.

Выходить мне не хотелось. Он стоял, склонившись к моему окну, и заглядывал Ленке за вырез платья. Ленка в ответ заискивающе улыбалась.

– Выходи, дорогой, – повторил он. – Тебя там люди ждут.
В иномарке сидело еще три человека. Все они смотрели на нас.
– Хорошо, – сказал я и выбрался из машины.
– Мы сейчас узнаем – хорошо или нет, – отозвался кавказец у меня за спиной.
– А я тебя помню, – сказал один из сидевших в иномарке, когда я сел к ним на заднее сиденье. – Ты в соседнем доме живешь.

Я посмотрел на его лицо и понял, что тоже его знаю. В доме напротив жили какие-то кавказцы. То ли торговали, то ли еще что.

– Давайте милицию вызывать, – сказал я, пытаюсь в этой тесноте сесть хоть немного удобней. – Пусть разбираются.

– Зачем нам милиция? – протянул мой «знакомый». – Мы что, сами не разберемся?

– В каком плане?

– Во всех планах, дорогой. Зачем мы будем милиции платить? У них и так зарплата хорошая.

– А разве мы должны им платить?

– Эй, дорогой, зачем про деньги заговорил? Мы ведь не на базаре. Ты же не машину пришел к нам покупать.

– Нет, но...

– Не надо торопиться. Иди сейчас домой, отдохни, поспи, не нервничай. Завтра об этом поговорим. Ты ведь пьяный. Зачем тебе милиция?

– Ладно, – сказал я. – Тогда увидимся завтра. У меня квартира номер...

– Мы найдем тебя, дорогой, – он похлопал меня по колену. – Иди домой, не волнуйся.

– Что они тебе сказали? – У Ленки от нетерпения голос стал хриплым.

– Сказали, чтобы я не волновался.

– Как это?

– Вот так. Сказали – иди домой и спи.

– Ни фига себе, – протянула она. – Придурки какие-то, наверное.

Наутро я выяснил, что они были совсем не придурки.

– Да это же бандиты, – спокойно сказал мой знакомый с соседней заправки. – Каждый день у меня заправляются. Нормальные пацаны. Только у них, кажется, теперь проблемы.

– Ну да, я в них стукнулся вчера в двух кварталах отсюда.

– Нет, это не их проблемы. У них какие-то разборки с другими бандитами. Милиция их гоняет уже недели две.

– А то, что я в них стукнулся?

– Так это не их проблемы. Это твои проблемы. Им-то что до тебя? Купят на твои бабки себе новую машину, да еще и наварятся.

– Наварятся?

– А ты как хотел? Ты бы на их месте не наварился?

Я подумал, что зря я купил новые стулья.

– Ничего не зря, – сказала Ленка. – Будет, по крайней мере, на что поставить твой гроб.

Она посмотрела в мои глаза и тут же добавила:

– Шутка. Ты что, шуток не понимаешь?

– Ты знаешь, Лена, – сказал я спокойно. – Может, тебе и смешно. Но мне не смешно ни капельки. Я сейчас просто описуюсь от страха. Я не хочу никаких бандитов. Я в Америку поехать хочу.

– Нет никаких проблем, дорогой, – сказал мой «знакомый» кавказец, проходя к нам в комнату и сядя на диван. – Покупай нашу машину и поезжай хоть в Гондурас.

– Я не хочу в Гондурас, – сказал я. – И вашу машину я тоже не хочу. Она у вас старая, и в багажнике наверняка кровь.

– Эй, какая такая кровь? Ты о чем говоришь? Мы видеокассетами торгуем. Мясом мы не торгуем.

Слово «мясо» мне не понравилось.

– Пять тысяч долларов нам даешь, машину себе забираешь.

– Пять тысяч долларов?! Это же металлолом разбитый! Кто ездит на металлоломе за пять штук?

– Эй, она же не была металлолом, пока ты вчера к нам не приехал.

– Так не говорят.

– Что такое?

– По-русски так не говорят.

– Эй, ты что, разве учитель?

– По-русски говорят: пока ты в нас не врезался.

Он с улыбкой посмотрел мне в глаза.

– Хочешь, чтобы я правильно на твоём языке говорил?

– Хотелось бы.

– Не любишь лица кавказской национальности?

– Мне все равно.

Улыбка с его лица исчезла.

– Завтра деньги для нас приготовь. К семи часам. Никому не звони.

Выходя из комнаты, он повернулся и добавил:

– У тебя жена красивый очень. Так правильно говорю?

Та школьная девочка у моего друга Алешки была не первой. До этого случилось еще кое-что. Не совсем приятное, надо сказать, но это уже другой разговор. Мне вообще всегда как-то непонятна вся эта дребедень. То есть вот мальчики дружат, тусуются, слушают музыку, начинают пить водку, прячутся от родителей, ходят на дискотеки, сами чего-то придумывают про жизнь, про мужскую дружбу, про то, что, мол, навсегда, а потом вдруг, хоп, появляется девочка. Непонятно все это. То есть так-то вроде бы все понятно. Вроде все так и должно быть – ну, там, мальчики-девочки. Это все хорошо. Но почему-то никогда нормально не складывается.

А может, у других получается ничего. Без того, чтобы один вдруг влюбился и от какого-то полного идиотизма решил, что, кроме него, никто полюбить так не может, и тут же начал ходить и показывать всем, какую красивую девочку он полюбил и, главное, какая красивая девочка его полюбила. И ощущение при этом такое, как будто все вокруг дураки, и вообще никто ничего не понимает, и вроде раз ты первый влюбился, то это уже как Америку открыл. В том смысле, что ведь никто у Колумба прав на это открытие не оспаривает. Любой идиот знает, что Америку открыл Колумб – мореплаватель и большой молодец. И если бы он ее не открыл, то неизвестно еще, где бы мы все теперь были. То есть ни рок-н-ролла, ни Голливуда, ни Чарли Чаплина, вообще ни фиги. Сидели бы и тащились от одного античного, блин, искусства. Но он ее ведь открыл. И про это теперь все знают. Любой занюханный школьник – разбуди его – скажет тебе: «Америку открыл Христофор Колумб – известный мореплаватель и большой молодец». Ну, что же, открыл и открыл. И слава тебе господи. А вот взять и спросить того же самого школьника: «А почему тогда Америка не называется, скажем, Колумбия? Это ведь другое какое-то место. И значительно меньше размерами. Чего это Америку называли Америкой? Это кто там такой шустрый подсуетился?» И вот тут не всякий уже школьник ответит. Потому что он еще ведь не знает, что всегда есть какой-нибудь умный малый, и имя у него совсем не Колумб, но вот целый новый континент называют почему-то его именем. И проблемы-то все у школьника не оттого, что он там истории не знает или географии. Нет, дело совсем не в этом. Он просто еще очень маленький и, к своему счастью, пока не подозревает, что люди только и ждут, как бы кого-нибудь по-крупному прокатить.

Впрочем, все это было очень давно. Я не про Колумба сейчас говорю. Самое-то странное, что именно друзья с тобой так поступают. Правда, окончательно мы с Алешкой расстались гораздо позже. Я даже и не помню, из-за чего.

– Но он ведь не откажется тебе помочь, – сказала Ленка. – Он же у них там крутой. Ты сам говорил.

– Отвяжись, я сказал. Нет – значит, нет. Я ему первый звонить не буду.

– Да он тебе звонит каждые полгода, а ты детей заставляешь врать, что тебя дома нет.

– Отвяжись. У меня голова болит.

– Скоро она у тебя болеть не будет.

– А я-то здесь при чем? – сказал я. – Хачик от тебя затащился. Они сначала тебя заберут.

– Козел!

– Я сказал – я ему звонить не буду. У него телефон, скорее всего, прослушивается.

– Таких бандитов, как твой Алеша, в городе миллион. Если их всех будут слушать, то телефонка нормальных людей обслуживать перестанет.

– Я ему звонить не буду!

Через пятнадцать минут Алешка сидел у меня на диване. На том самом месте, где до этого сидел хачик.

– Молодец, что позвонил. Мы это дело уладим.

В машине, оставшись наедине, мы некоторое время неловко молчали.

– Слушай, а чего ты на меня так обиделся? – наконец первым заговорил он.

– Я не обиделся. С чего ты взял?

– Как не обиделся? Не хочешь со мной общаться, прячешься от меня.

– Я от тебя не прячусь.

– Да перестань. Я заезжал сколько раз, а тебя никогда дома нету.

– Работы много. Меня сейчас в Америку отправляют.

– Кончай! Последний раз я тебя на балконе видел, а Ленка сказала, что тебя дома нет.

Чего ты обиделся?

Он перестал смотреть на дорогу и повернулся ко мне.

– Осторожней! – сказал я. – Врежемся в кого-нибудь.

– Как у вас там вообще-то дела?

– Нормально. Сережка в школу пошел.

– Да ты что? Когда?

– Этой осенью.

– Ни фиги себе. Вот время идет. А у меня дочь родилась. Дашка.

– Поздравляю.

– Спасибо. Такая смешная девчонка. Ползает уже попой кверху и гадит везде.

Я вдруг почувствовал, что мне действительно приятно оттого, что у него теперь есть дочь и что он радуется, когда вспоминает о ней.

– Поздравляю, – еще раз сказал я.

– Слушай, а может, ты разозлился из-за того, что я тебе тогда деньги давал?

– Кто же из-за этого будет злиться? – усмехнулся я.

– Но я ведь тогда понтовался. Мне хотелось, чтобы все видели, сколько у меня бабок, а ты такой типа бедного родственника там сидел. У тебя даже на такси денег не было.

– На такси у меня было.

– Да ладно, брось ты.

– На такси у меня было, – повторил я.

– Сколько у тебя там могло быть? Ты ведь даже в ресторан тогда бы не поехал, если бы я за тебя не заплатил.

– Я не просил тебя за мной заезжать. Ты сам придумал всю эту историю.

– Так, значит, ты из-за этого на меня надулся? Мы семь лет не общаемся из-за паршивого ресторана?

– Я на тебя не надулся. Просто у меня нет времени. Я занимаюсь своей карьерой.

Он еще немного помолчал.

– Слушай, а может, ты из-за поездки в Ленинград?

– Нет, не из-за поездки.

– Тогда из-за тех баб?

– Каких баб?

– Ну, помнишь, летели с нами в Сочи?

– Ну, и что?

– Я им про тебя всякую чушь заливал.

По его лицу скользнула смущенная улыбка.

– Да плевал я на этих баб.

– А может, ты из-за своей матери?..

– Слушай, хватит, – прервал я его. – Отвяжись. Я на тебя не обижался. Просто время идет. Многое меняется. Ко многим старым вещам начинаешь относиться по-другому.

Он помолчал.

– И к дружбе?

– Не знаю, – сказал я. – Может, и к дружбе. Короче, когда мы приедем?

– Уже приехали.

Он свернул в какую-то незаметную арку и через минуту затормозил.

– Расскажешь там все как есть. Я тебя тут подожду.

Раньше мне никогда не приходилось разговаривать с бандитскими боссами, поэтому я немного нервничал, и руки у меня быстро вспотели. Хорошо, что никто не предложил здороваться. Видимо, чужих они так не приветствовали. А то самому потом противно было бы вспоминать, как хватался липкими руками за мужественных и гордых бандитов.

– Проблемы? – спросил человек, представившийся Николаем Семеновичем.

Он был одет в дорогой спортивный костюм с красными полосками и пил апельсиновый сок. Я подумал, что, может быть, он занимается бегом и только что прибежал со стадиона. Кто их знает, этих бандитских боссов, какие у них привычки. А может, он вообще был директором того самого стадиона. Короче, руку он мне не протянул.

– Да вот, вы знаете, хачики одолели, – сказал я, стараясь вытереть потную ладонь о внутреннюю поверхность кармана.

Вдруг бы он захотел пожать мне руку, когда мы будем прощаться.

– Понятно, – он сосредоточенно кивнул головой, как будто речь шла о тараканах и его как специалиста из санэпидстанции приглашали полить запущенную квартиру дустом.

Я подумал, что все мы, в конце концов, примитивные расисты.

– Сколько просят?

– Пять штук.

– Рублями?

– Они не сказали.

– Значит, рублями. Когда придут?

– Сказали, что завтра в семь часов.

– Хорошо.

Он кивнул головой и быстро объяснил мне, что нужно делать.

– Главное – не бойся, – добавил он на прощание. – У них недавно были разборки за городом. Двоих подстрелили. Так что они теперь сильно шуметь не будут. Им надо тихо сидеть, а то их совсем закроют. Да и война в Чечне им выходит боком. Поэтому иди домой и спи спокойно.

– Спасибо, – сказал я и подождал, не протянет ли он мне руку.

Моя ладонь к этому времени была уже совсем сухой.

– Иди. Чего стоишь? Завтра договорим.

Утром на следующий день я отвез Ленку с детьми к матери и стал ждать. Время тянулось ужасно медленно. Около пяти часов в дверь позвонили.

– Ты Емельянов? – спросил меня человек в кожаной куртке и спортивных штанах.

Позади него стоял еще один, точно такой же.

– Я.

– Это тебе. Можешь не считать.

Он протянул мне через порог наволочку от подушки, раздувшуюся до невероятных размеров.

– Спасибо, – сказал я.

Закрыв дверь, я вернулся в комнату и опустил наволочку прямо на пол. Первый раз в жизни мне приносили домой такую большую сумму. Первый раз в жизни мне приносили деньги бандиты. Первый раз в жизни мне приносили деньги в наволочке. Наверное, мне надо было загадать желание.

Я сидел на диване и смотрел на этот раздувшийся белый мешок с какими-то больничными печатями. Внутри лежала такая большая сумма, что моей семье хватило бы на целый год. Можно было бы совсем не работать. Просто делать все, что тебе нравится, и плевать всяким придуркам в лицо. Может, в конце концов, Алешка был не такой уж дурак, что выбрал эту работу.

Я протянул руку к наволочке и заглянул в нее. Все купюры были российские, достоинством не больше десяти рублей. Наверное, собирали на рынке. Я закрыл наволочку и стал ждать. Время тянулось ужасно медленно. Я почувствовал, что меня начинает тошнить.

В шесть тридцать в дверь опять позвонили. На этот раз там был только один человек, но тоже в куртке и спортивных штанах. Помешались они, что ли, на спорте?

– Николай Семеныч внизу ждет, – сказал он.

– Ага, – торопливо ответил я и пошел за ним.

«Николай Семенович» скромно курил на заднем сиденье белой «шестерки». За рулем сидел один из тех «спортсменов», которые принесли наволочку.

– Значит, понял, как надо себя вести? – сказал «Николай Семенович», выпуская ароматный клуб дыма. – Деньги ни в коем случае не отдавай. Держи их до последнего. Отдашь, только если совсем прижмут.

– Я понял, – с готовностью сказал я. – Деньги не отдавать. Тянуть резину.

– Молодец. Все правильно.

Он пристально посмотрел на меня.

– Боишься?

Я не сразу нашелся, что ему ответить.

– Боюсь, наверное. Я раньше...

– С бандитами не тусовался? – усмехнувшись, закончил он за меня.

– Ну да...

– Привыкай. Может, еще пригодится.

«Не хотелось бы», – подумал я, но промолчал.

– В общем, иди наверх и жди у себя. А я тут пока посижу.

Ровно в семь в дверь позвонили три раза. Я выглянул в окно и удостоверился, что белая «шестерка» стоит на своем месте. В другом конце двора стояла большая черная иномарка. Рядом с ней я увидел двоих кавказцев. Они оба курили и смотрели на мои окна. В дверь позвонили еще раз.

– Смотри, что у меня есть, – сказал «мой» кавказец, когда я наконец открыл дверь. – Очень полезная вещь. Буду теперь умный-умный. Девушкам буду только красивые вещи теперь говорить.

В руках он держал учебник русского языка для седьмого класса.

– Хорошая книга, – продолжал он. – Ты знаешь, чем отличается функция подлежащего от функции сказуемого в безличных предложениях?

Я молча смотрел на него.

– Не знаешь? Эй, нехорошо. Это же твой язык. Как ты можешь не знать такие важные вещи? Пойдем со мной, я по дороге тебе все объясню.

Мы спустились во двор. Проходя мимо «шестерки», я заметил, что в ней никого нет. В животе появился какой-то неприятный холод.

– Так вот, дорогой, – сказал он, когда мы сели в черную машину. – Ничем эти функции не отличаются. Понимаешь? Ничем. В безличном предложении просто нет подлежащего. Ты понимаешь? Нет лица. Лицо отсутствует. У меня вот есть лицо, и у него есть лицо, – он указал на человека за рулем. – А в безличном предложении лица нет. Оно отсутствует. Как будто никто не виноват. Знаешь, это такие предложения: «Вечереет», или: «Сегодня рано стемнело», или: «Вчера было холодно», и так далее. Понимаешь?

Я кивнул головой.

– Молодец. Вижу, что понимаешь. Но бывают совсем другие конструкции. Например: «Один человек напился, сел за руль и врезался в чужую машину». Это уже не безличное предложение. В нем есть лицо. Понимаешь? В нем есть подлежащее. И у него есть свои функции. Тебе ясно? Вот как ты думаешь, какие функции у подлежащего в таком предложении?

– Денег у меня нет.

Кавказец посмотрел на меня, глубоко вздохнул и укоризненно покачал головой:

– Нет, дорогой, тебе нужно еще позаниматься. Ты совсем не понимаешь функции подлежащего. Хочешь, я тебе эту книгу подарю? Только времени у тебя мало. Ты даже сам не знаешь, как у тебя мало времени. Может быть, даже совсем нет.

– Я не успел. Мне надо еще хотя бы несколько дней. Занял уже в двух-трех местах.

– Нет, это не похоже на правильный ответ. Ты можешь совсем провалить свой экзамен. Пока ты не выучишь функции подлежащего, тебе не удастся перейти к грамматической категории будущего времени. Понимаешь? В этом ведь вся проблема. Его может просто не оказаться. Ты только представь себе свой родной язык без будущего времени. Ты не сможешь сказать таких простых вещей, как: «Я скоро поеду в Америку», или: «Летом я буду жить на даче», или даже еще проще: «Летом я буду жить». Ты понимаешь? Твой язык очень обеднеет без будущего времени, и ты будешь говорить как какой-нибудь хачик. Ведь хачики почти все неправильно говорят. Так или не так? Ты сам недавно по этому поводу обижался.

– Мне надо еще пару дней. Дай мне немного времени.

– А ты будешь заниматься русским языком?

– Не больше двух дней.

Он помолчал минуту, потом протянул мне учебник.

– Возьми. Я хочу, чтобы эта книга была у тебя. Скоро тебе сдавать экзамен.

Как только я вышел из их машины, они развернулись и уехали. Через минуту ко мне подошел «Николай Семенович».

– А это тебе зачем? – спросил он, указывая на учебник.

– Долго объяснять.

– Дай-ка сюда.

Он взял у меня книгу и тщательно пролистал ее.

– Ничего нет.

– Я знаю, – сказал я. – Там и не должно ничего быть.

– Да? – он пристально посмотрел на меня. – Странно... Ладно, чего они тебе сказали?

– Дали еще два дня.

– Хорошо.

Он вынул из кармана небольшую рацию и тихо сказал в нее:

– Отбой.

Как только он произнес это слово, из разных углов двора выехало пять или шесть машин. Я даже не подозревал, что у меня во дворе можно спрятать столько тачек.

– Короче, давай, – сказал он, когда все машины развернулись и уехали. – Может, еще увидимся.

– А мне-то что теперь делать?

– Русский язык учи, – рассмеялся он.

– Да нет, я серьезно.

Он убрал рацию и снова улыбнулся.

– Ничего не делать. Они больше не придут.

– Как не придут? Он же сказал – через два дня.

– Мало ли что он сказал. Хочешь, поспорим? Ты на что любишь спорить?

Насчет кавказцев «Николай Семенович» как в воду глядел. Мне повезло, что я с ним тогда не поспорил. Вернее, это я сначала так думал, что мне повезло. Короче, ни через два дня, ни даже через четыре никто из них у меня не появился. Вскоре я забрал Ленку с детьми от родителей, и мы стали потихоньку собираться в Америку. Пришли они только на десятый день. Вернее, пришел один этот «мой знакомый».

– Пойдем со мной, – сказал он, когда я, ничего не подозревая, открыл ему дверь. – Пойдем, у меня там машина.

Я пошел за ним прямо в шортах, футболке и в тапочках.

– Садись на заднее сиденье, – сказал он. – Я тоже туда сяду.

За рулем никого не было. Очевидно, он приехал один.

– Ну что, дорогой, все-таки ты пожаловался?

– Я...

– Не надо ничего говорить. Я все про тебя знаю. Ты для меня не загадка. Вообще никто из вас не загадка. Все, что вы делаете, – понятно даже ребенку. Вы даже ребенка не сможете обмануть.

Я почувствовал, что от него сильно пахнет спиртным.

– Хочешь коньяк? – сказал он, вынимая бутылку. – Это очень хороший коньяк. В России такой не делают. И в Европе такого нет. Может быть, только во Франции. Пей, это мой домашний коньяк. Мне его из дома прислали. Пей, тебе сегодня он пригодится.

Я взял у него бутылку и сделал глоток. Вкуса я не почувствовал.

– Нравится? Это самый лучший коньяк.

Он тоже сделал глоток, поставил бутылку на пол и вынул из-за ремня пистолет.

– Боишься?

Я молча смотрел на него.

– Не бойся. Это не страшно. У тебя ведь есть дети? Значит, тебе не должно быть страшно. У меня тоже есть дети. Два сына. Поэтому мне никогда не было страшно. Если я умру, ничего страшного не произойдет. Так я себе всегда говорил. Потому что они уже родились. Они уже есть. Они ходят, говорят, любят. У них тоже будут свои дети. Ты понимаешь меня? Это очень правильно, когда есть отец и есть сыновья. Так должно быть. Так захотел Бог. Ты веришь в Бога?

Я медленно кивнул головой.

– Это хорошо. Это тоже тебе пригодится.

Краем глаза я старался увидеть, нет ли кого поблизости от машины. Двор был абсолютно пустой.

– Бери бутылку, пей мой коньяк.

Я послушно сделал большой глоток.

– Молодец. Нравится тебе мой коньяк?

Я кивнул головой.

– А тот учебник ты выучил, который я тебе подарил?

Я молча смотрел на него.

– Не выучил, – сказал он со вздохом. – Теперь это уже неважно... На вас, русских, ни в чем нельзя положиться. Я в университете два года ваш язык изучал, а тебе десять дней на него жалко... Ты же обещал приготовить деньги через два дня.

– Я приготовил.

– Приготовил? – он быстро посмотрел на меня. – Ай, какой молодец. Неси скорее сюда.

– Я приготовил их неделю назад. Как ты просил. Они были у меня ровно через два дня после нашего разговора.

– Были?

– Были. Все до копейки.

– А сейчас?

– А сейчас нету.

Он тяжело вздохнул и молчал, наверное, целую минуту.

– Ты же сам не приехал через два дня, – сказал я, чтобы прервать его молчание.

– У меня были проблемы. С вами, русскими, всегда проблемы. У тебя когда-нибудь убивали друзей?

– Нет.

– Вот видишь. Откуда тебе знать, что такое проблемы?

Он еще немного помолчал.

– В общем, сделаем так. Я приеду к тебе завтра в это же время, и ты снова приготовишь мне деньги. Они теперь мне еще нужней.

– До завтра я не успею.

– Это твои проблемы. Если ты не успеешь, я тебя застрелю.

– Как это застрелишь?

– Очень просто. Выстрелю тебе в голову, и от этого ты умрешь. Навсегда. Тебя больше не будет.

– Подожди-подожди! Ты же сам не приехал за этими деньгами, когда я тебя ждал.

– Я тебе сказал – я был занят.

– Но я не успею...

– Ты постарайся успеть. Это ведь в твоих интересах. Мне нет никакой разницы – будешь ты жить или нет, а для тебя это очень важно. Если ты не принесешь деньги, для меня ничего не изменится. У меня их все равно нет. А для тебя изменится очень много. Так что можешь считать, что ты работаешь на себя. Я тут почти ни при чем. Это просто обстоятельства так сложились. Могло быть и по-другому. Лично я против тебя ничего не имею. Просто так получилось, что у нас обоих проблемы, и твоя проблема – это я. Ты меня понимаешь?

– Ни фига себе, – выдавил я.

– Эй, зачем ты ругаешься? – сказал он, убирая пистолет в карман. – Иди лучше домой и звони своим людям. Пусть они принесут тебе деньги. Только не звони Николаю Семеновичу. Я от него убегу, а ты все равно после этого жить не будешь. Хорошо?

Он похлопал меня по плечу.

– Ты молодец. У тебя все получится. Иди скорее домой.

Он почти вытолкнул меня из машины.

– Да чтоб он сдох, этот твой хачик, – закричала Ленка, когда я рассказал ей о том, что произошло. – Такую кучу денег ему отдать? Чтоб он сдох!

– Я тут при чем? – сказал я. – Чего ты на меня-то орешь?

– Да? А на кого мне орать? Твой хачик уже уехал.

– Он завтра опять приедет. Можешь ему все передать сама. И вообще, чего ты заводишься? Деньги все равно ведь не наши. Не все ли равно, кому их отдавать?

При этих словах она как-то неожиданно быстро успокоилась. Я иногда совсем ее не понимаю. То психует как бешеная, то вдруг опять спокойная как танк. Знаю только, что про деньги с ней лучше не говорить. Ни про какие. Эти разговоры ее точно заводят с полоборота.

– Смотри-смотри! – закричала она вечером, включив свой любимый «Дорожный патруль». – Смотри скорее. Это же тот самый хачик, который к тебе приезжал.

Я смотрел на экран телевизора и думал о том, как прихотливы бывают обстоятельства, о которых сегодня говорил мне кавказский «гость». Как странно и неожиданно может обернуться безвыходная на первый взгляд ситуация.

– Это же он? – с нескрываемой радостью спросила Ленка. – Он? Точно ведь он?

– Да, это он, – сказал я, вглядываясь в мертвое лицо человека, который несколько часов тому назад назвал себя моей самой главной проблемой.

– Слава богу! – воскликнула Ленка. – Слава богу! Смотри, как его размазало. На встречную полосу выехал, гад. Пьяный, наверное, в стельку.

– У него был очень хороший коньяк.

– Что? – Она непонимающе посмотрела на меня.

– У него с собой был коньяк.

– А ты-то откуда знаешь?

– Я с ним пил.

– Да? – Она секунду смотрела на меня. – Ладно, фиг с ним. Вот машину его жалко. Смотри, как ее искорежило.

«Николай Семенович», очевидно, тоже смотрел в этот вечер телевизор. Не прошло и двух дней, как в гости к нам явился Алешка.

– Ну что, проблема исчерпана, – весело сказал он прямо с порога. – Видишь, а ты расстраивался. Я же говорил тебе – все утрясется.

– Да, все в порядке, – ответил я. – Теперь все нормально.

– Можешь спокойно собираться в свою Америку.

– Будешь чай с нами пить? – неожиданно вмешалась Ленка.

Меня удивило ее радушие. Обычно она гостей не жаловала. Впрочем, наверное, она была довольна тем, что хачики наконец отвязались.

– Конечно, буду, – улыбнулся Алешка. – А варенье у вас есть?

Мы просидели на кухне часа два, болтая о том о сем, вспоминая всякую забавную ерунду из школьной и потом из студенческой жизни. Алешка много смеялся, рассказывал о своей дочке. За эти семь лет, что мы не встречались, он изменился. Лицо стало немного чужим. Временами, когда он откидывал назад голову, чтобы по старой школьной привычке посмотреть вверх, прежде чем ответить на вопрос, я узнавал своего прежнего друга, и в сердце у меня оживали давно забытые чувства. Надо сказать, мне нелегко дался этот разрыв в свое время. Просто он должен был произойти по чьей-то вине. Семь лет назад я решил, что пусть эта вина будет моею.

– А фотографии у тебя с собой есть? – спросила Ленка.

– Конечно, – ответил он и достал портмоне из кармана. – Вот мы на даче. А вот здесь Дашке исполнился месяц.

– Какая славная, – сказала Ленка.

– А вот тут я забирал их из роддома.

– А это кто? – Ленка внимательно всматривалась в фотографию.
– Не знаю. Просто медсестра.
– Да? Какая-то странная.
– Нормальная медсестра. Я им ящик шампанского тогда приволок.
– А вот это кто?
– Да не знаю я, – рассмеялся он. – Люди какие-то. Там много народу было.
– Странные люди. Такое ощущение, что вот этого я знаю.
– Откуда ты можешь его знать? – сказал я. – Это же случайные люди.
– Ну, не знаю, – сказала она. – Мне кажется, что я его знаю. Может мне казаться? Или даже на это я права уже не имею?
– Да ладно вам, – снова рассмеялся Алешка. – Смотрите, а вот здесь у нас первый зуб.
– Ой, правда, – сказала Ленка. – Смотри, как смешно.
Мы посидели так еще немного, и Алешка наконец убрал фотографии в портмоне.
– Ну, ладно. У вас хорошо, но пора идти. Люди ждут. Я теперь почаще буду забегать. Можно?

Он посмотрел на меня и улыбнулся.
Я почувствовал себя как-то не так и вместо него посмотрел на Ленку.
– Конечно, заходи, – сказал я ей. – Мы тебе всегда рады.
– И ты будешь дома?
– Буду.
– Точно?
– Сто пудов.
Я справился наконец с неловкостью и перевел взгляд на него.
– Обязательно буду. Заходи, как появится время.
– Зайду, – сказал он. – И вот еще что... Меня просили забрать одну вещь, которую тебе давали на время...
– Да-да, сейчас, – быстро сказал я и вышел в другую комнату.
Ленка осталась на кухне.

Я отодвинул спинку дивана и заглянул внутрь. Наволочки с деньгами там не было. Сначала я подумал, что мне показалось – настолько неожиданным было отсутствие денег. Это как если бы ты вышел утром из дома и вдруг не увидел напротив здания детского сада, который стоит на этом месте уже десять лет. То есть все чувства или, может, предчувствия, говорят тебе, что детский сад должен находиться вот здесь, там, где он всегда находился и раздражал тебя своей квадратной казарменностью, но зрение упрямо настаивает на том, что его нет. Ничего нет. Пустое место, и даже собаки не бегают. То есть, может, собаки и бегают, но им до тебя нет никакого дела. Им абсолютно плевать на то, что на кухне у тебя сидит твой старый друг, который выручил тебя, а ты тут стоишь и тупо смотришь в пустой диван, где, как тебе кажется, должны лежать деньги. Должны, но их там теперь нет.

У меня закружилась голова. Я посмотрел в пустоту еще минуту и потом медленно опустился на колени. Под диваном денег не было тоже. Впрочем, раздувшаяся наволочка поместиться бы там не смогла. Тем не менее я пошарил руками. Нашел свою старую ручку и чинилку для карандашей.

«Вот они, оказывается, где были», – некстати мелькнуло у меня в голове.

За телевизором денег не было. И под столом. И за шторами. И в шкафу. И за шкафом. Я сел на пол посреди комнаты и постарался, чтобы меня не стошнило.

– Эй, ты где там? – раздался из кухни Алешкин голос. – Ты их считать, что ли, начал? Не надо. Мне доверяют.

Я поднялся на ноги и снова обвел взглядом всю комнату. Это была какая-то чужая комната. Ничего в ней не было мне знакомо. Все вещи поменяли свое лицо. Ни один предмет не стоял на месте.

Все вокруг меня шевелилось и норовило ускользнуть от моего взгляда. Никогда до этого моя комната так себя не вела.

– Сейчас иду, – отозвался я. – Сейчас. Подождите еще минуту.

Через минуту деньги не появились. Я сильно сжал пальцами виски и пошел на кухню.

– ...а на следующий год поедем в Турцию отдыхать, – говорил Алешка, когда я вошел. – Там в Анталии есть классные пятизвездочные отели...

– Ты чего, – спросил он, взглянув на меня. – Тебе плохо?

– Леша, у меня твоих денег нет.

– Как это нет?.. – Он замолчал и смотрел на меня в полном изумлении. – А у кого они?

– Я не знаю. У меня их нет.

– Ни фиги себе, – протянул он.

– Да, – сказал я. – Не знаю, что тебе еще сказать.

Мы все замолчали, и минуты две на кухне стояла полная тишина. Я просто ждал, когда все это кончится. Или когда я проснусь.

– Ладно, – наконец сказал Алешка. – Давай сделаем так... Хотя, нет... Лучше я к тебе завтра заеду... Может, ты их убрал куда-нибудь не туда...

Он посмотрел на Ленку.

– На меня не смотрите, – быстро заговорила она. – Я их никуда не убирала и вообще ничего не знаю. Может, их хачик украл.

– Он умер, – сказал я.

– Тем более. Сначала украл, а потом умер. От радости напился и выехал на встречную полосу. Он же заходил до этого к нам в комнату. Ты оставлял его там одного?

Она пристально смотрела на меня.

– Я... не помню, – сказал я. – Кажется, не оставлял.

– Кажется? Тебе вечно что-нибудь кажется. Вспоминай давай – оставлял или нет.

– Кажется, нет.

– А ну тебя! – Она всплеснула руками.

– Нет, не оставлял.

– Точно?

– Кажется, да.

– Короче, – вмешался Алешка. – У меня еще есть пара дней. Давайте я завтра заеду. Поищите к тому времени хорошо. Может, в шкаф куда-нибудь с бельем закинули или еще что-нибудь... Иногда так бывает.

– Мы поищем, – заверила его Ленка. – Ты не волнуйся. Мы обязательно их найдем.

Когда мы прощались, он не посмотрел мне в лицо.

На следующий день мы ничего не нашли. И еще через два дня деньги не отыскались. Алешка сначала звонил каждый день, а потом все реже и реже. Через шесть дней Ленка сказала мне, что теперь можно не волноваться.

– Почему это? – спросил я.

– Но он же больше не звонит.

– Ну и что?

– Значит, у них все уладилось. Как-то договорились.

– Там было пять тысяч долларов, – сказал я.

– Я знаю, сколько там было. Для них это не такие уж большие деньги.

– У нас могут убить за сто баксов.

– Только не надо все это драматизировать. Я говорю тебе – все улеглось. А с Алешкой твоим ты все равно давно уже не общался. Сам ведь от него прятался все эти годы.

На следующий день я потерял квитанцию для оплаты за Интернет. Ленка сказала, что, скорее всего, она была в кармане синей рубашки, которую она уже убрала в грязное белье. Мне не хотелось снова идти на почту, поэтому я вывалил весь бак с бельем на пол в ванной комнате.

– Сам потом будешь убирать, – сказала Ленка. – Досталась я за вами бегать. Вас трое, а я одна.

На полу рядом с моей рубашкой, детскими колготками, носками и пододеяльником лежала белая наволочка с больничными печатями.

– Где они? – сказал я, поднимая голову.

– Чего ты заводишься? – быстро заговорила она. – Ничего с твоим Алешкой не случится.

– Где деньги?

– Ты же сам говорил, какой он у них там крутой...

– Где деньги?

– В гараже, чего разорался?

– Где?

– В ящике под чехлами. Там сумка коричневая твоя...

Я уже не слушал ее, потому что бежал к телефону.

– Можно Алексея? – сказал я, стараясь не кричать, когда трубку наконец сняли.

– Его нет.

Голос был потерянный, как будто с другого конца света.

– А когда он будет.

– Я не знаю. Его уже два дня нет.

От ужаса я замолчал.

– А вы не знаете, где он? – спросил меня голос через минуту. – Он просто за хлебом вышел.

– Подождите меня! – закричал я. – Я сейчас к вам приеду. Я его старый друг. Он, наверное, про меня рассказывал.

Через полчаса я вбежал в его подъезд. В руках у меня была толстая от чужих денег сумка.

«Господи, – подумал я, протягивая руку к звонку. – Пусть я сейчас позвоню, и дверь откроет Алешка. Сделай чудо, Господи! Ты добрый, ты можешь».

Ариадна Борисова Кузькина мать

Каждый раз в Новый год Маргоше казалось, что жизнь у нее вот-вот наступит другая и жить станет лучше. Веселее... Многим так кажется, даже тем, кто целой стране может устроить веселую жизнь. А Маргоша была сама себе страна, сама себе горы, равнины, реки и вполне действующий вулкан страстей. Правда, в последнее время он бурлил не так сильно, как прежде. «Вулканы тоже нуждаются в отдыхе», – хорохорилась Маргоша, женщина в душе домовитая, преданная, но не понятая в лучших качествах недалёковидным противоположным полом.

Впрочем, ей было кого винить в своей нынешней не востребованности. В восемнадцать лет Маргоша увлеклась парнем рослым, красивым и компанейским. Спустя два года уразумела: несложно произносимые избранником клятвы прямо пропорциональны их нарушению. Маргоша велела красавцу катиться куда подальше вальсом Маньчжурии вместе с компанией и присмотрелась к мужчинам представительным и ответственным.

Эти были сплошь женатики и партийцы. Едва их отношения с Маргошей начинали перерастать в нечто существенное, воинственные жены подключали к битве против нее партию. Тяжелая артиллерия глубоко ранила представительных мужчин. Не желая более рисковать, они затевали пространные разговоры на тему партийной верности, из чего вытекало, что разводиться ответственным людям воспрещается, а иметь вне ответственности такую очаровательную возлюбленную, как Маргоша, не грех.

Она не желала быть возлюбленной, которую только и делают, что имеют, и отправила партийцев туда же. По сопкам Маньчжурии.

Блуд и флирт со сластолюбивой мужской шушерой Маргоше поднадоел. Блядки – обратная сторона медали «Супружество», а Маргоша все же надеялась когда-нибудь увидеть аверс. Вдруг понравится. Но времени прошло много, и теперь бы она согласилась на мужчину невысокого, некрасивого, даже лысого. Внешность роли не играет, лишь бы любил.

Встречались лысые, приземистые, кривоногие, на первый-второй рассчитайсь... Увы, и третьесортные женихи покинули Маргошу, млеющую в сладких мечтах о браке. Привередливая невеста классически опоздала на разбор, и, конечно, никто, кроме нее самой, не был в том виноват.

Она уже заработала пенсию (балетную) и опасалась, что попросят из театра. Следовательно, из ведомственного общежития тоже. Куда податься после этого, Маргоша не знала, и нервы пошаливали. А все равно обрадовалась по старой привычке, когда куранты в очередной раз взбили остаток уходящих секунд в пышную пену. Новорожденное время многообещающе зазвенело бокалами: дзинь-дзинь, ура, товарищи, с новым счастьем! И пусть платье прошлогоднее, пусть на столе неизменные блюда – оливье, холодец, печеная птица, картошка с мясом, рыбный и сладкий пироги – все равно после зимы придет новое солнце! Не может быть, чтобы навстречу весне не открылись Маргошины новые окна...

Скрипач Женья Дядько поднял фужер:

– Друзья, посмотрите на наш праздничный стол! Задумывались ли вы над тем, что он символизирует благополучие страны? Я восьмой год в Богеме, а стол все тот же! В традиционных вариациях. Этот стол, как константа неизменного мира, закрепляет веру в постоянство основ. Так выпьем же за стабильность и наше светлое будущее!

Потом пили за творчество и успех, за любовь и детей, за родителей – живых и ушедших, и чтобы не было войны. И еще за что-то, и еще... Спиртного, как ни странно, хватило. Притопавший ночью комендант дядя Равиль увел пьяного Дмитрия Филипповича в комнату,

где в неусыпном ожидании хозяина сидела в кресле кошка Фундо. Женя Дядько натянул чью-то дед-морозовскую бороду и схватил мешок из-под муки, порываясь пройтись с колядками по ближним домам, но чуть не задохнулся в мучном облаке. Женю почистили, успокоили и под обещание поколядовать в Святки отправили в постель. В общем, разошлись аккуратно, без баталий и дверных пинков.

А в один из святочных дней женщины решили погадать. Отмели за неимением баню, подвал и петуха. Осталось простенькое гадание с бумагой – скомкать, сжечь на блюдце и разгадывать по тени, что кого ждет.

Задавая вопрос о своей лучшей, возможно, доле, Маргоша очень волновалась. Ее бумажный комочек наделал чаду, сгорел, и на стене показался загадочный ответ: не мужчина, не лягушка, а неведома зверушка. Повертев блюдце Маргошиной рукой так и сяк, певица Полина Удверина неуверенно сказала:

– Мне кажется, ты родишь... Или забеременеешь в этом году.

– Да, и мне тут ребенок почудился, мальчик, – подтвердила балерина Беляницкая.

– А папаша ребенка? – с горькой иронией усмехнулась Маргоша. – Папаша вам не чудится? – И зажгла свет. Когда «мальчик» рассыпался в пепел, она ушла.

Не то чтобы Маргоша была против детей. Просто седьмое посещение абортария пять лет назад избавило ее от поисков противозачаточных средств.

Гадание разочаровало, зато после старого Нового года бывшая соседка Варя, художественный руководитель концертно-эстрадного бюро, поговорила с директрисой, и та пообещала взять Маргошу весной в артистический состав. Предвкушая независимость от репертуара и автономию, Маргоша подготовила сольные танцы народов мира, чтобы прийти в бюро не с пустыми руками. Зимой театр отпустил ее в гастрольное турне по республике.

Снабжение самых северных районов опережало время на шаг. Перед артистами открылись приметы светлого будущего, предвидимого партией, правительством и Женей Дядько. Гастролеры набили чемоданы югославскими батниками на кнопках, польскими бюстгалтерами, чулками-сапожками «под коленку» и другими вещами лучезарного завтра. Появившись эти товары в городских универмагах, народ разных полов, возрастов и размеров стоял бы за ними до победного конца без перерыва на обед, а тут ни толкучки, ни записи на руке «номер очереди такой-то»... Маргоше, ко всему прочему, достались кальсоны с начесом, электробритва «Бердск» и огромный пушистый свитер крупной вязки.

– Чисто индийская шерсть, – сказала продавщица.

– Мужу должно понравиться, – кивнула Маргоша, прикидывая, сколько можно наварить на чисто индийской шерсти наполовину с Людмилой Беляницкой.

Маргоше нужны были деньги на телевизор. Неловко всякий раз напрашиваться к Полине, когда показывают хороший фильм, к тому же экран телевизора – некоторым образом новое окно в мир. А Беляницкая занималась спекуляцией из любви к этому виду уголовно наказуемого искусства. Нечасто, но не из-за боязни статьи, а по нехватке времени. «Наш Союз, – говорила Людмила, – тотальная барахолка. Граждане поголовно втянуты в преступный сговор. Кто-то перепродает, кто-то перекупает, и что? Прикажете обнести колючей проволокой «от Москвы до самых до окраин»?»

Вернувшись домой, Маргоша застала распахнутой дверь в соседнюю комнату. До замужества в ней долго жила Варя, а нынче кого только сюда не подселяли, и все временно.

Крупный полнотелый мужчина примерно Маргошиных лет, гривастый, как лев, сидел на перевернутом ящике посреди комнаты и, по-видимому, не знал, что делать. У порога стоял пухлый, перетянутый бечевкой саквояж.

– Добрый день! – окликнул мужчина Маргошу высоким голосом.

«Тенор», – определила она и удивилась: теноры, по ее наблюдению, большими формами не выделялись, был у нее один, сам мелкий и голос тонкий. Чем мощнее человек, тем басистее, а этот как-то выпадал из стереотипа.

– Извините, вы не знаете, где воду берут? – спросил он.

– Знаю, – засмеялась Маргоша. – Вам попить?

– Да, попить. Здесь жарко.

– Пиджак снимите.

– Да. Спасибо.

Пожав плечами, она отправилась за стаканом воды и Дмитрием Филипповичем, чтобы помог новому постояльцу принести из кладовки стол и кровать.

Вечером заскочила Беяницкая и пересказала слухи в театре о приезде артисте.

– Несусветный простофиля! Из Харькова, зовут Кузьма Нарышкин. Нарышкина мамаша преподавала в консерватории и умудрилась выучить сынка, а полгода назад скончалась. Олуха сразу прибрала к рукам ушлая бабенка, привезла сюда по набору теноров и умотала обратно. Нарышкину только тут сообщили, что она выписала его из квартиры.

Деловито пересунав гастрольные покупки, Беяницкая потребовала за сбыт свитера и кальсон батник без накрутки. «А «Бердск» лежит в магазинах свободно, кому он нужен, твой «Бердск»?»

Маргоша купила батник себе, по одному давали, и рассердилась на корыстную Беяницкую. Из-за напрасной траты денег на электробритью тоже расстроилась, поэтому заявила, что сама все продаст.

Упустив товар с наваром, Людмила съязвила:

– Нарышкину подари, сама и побреешь, сосед же! Может, шнурки завязывать научишь, он, говорят, не умеет, – и захохотала: – Станешь Кузькина мать!

– Захочу – и стану! – крикнула оскорбленная Маргоша. – Лучше быть Кузькиной матерью, чем Леблядицей!

Сравнение спорное, но Беяницкая взбесилась из-за своего всем известного прозвища, и чуть не подрались.

Кузьма Нарышкин действительно оказался человеком, совершенно не приспособленным к быту. Дядя Равиль где-то добыл жильцу списанную мебель, мужчины помогли покрасить потолок и поклеить обои. Женщины повесили занавески на окна, понатащали кто кастрюльку, кто тарелки, даже старый торшер принесли. Кому что не жалко. За «Бердск» Кузьма особенно благодарил, ходил до этого в бритвенных порезах. Если честно, Маргоша сначала хотела взять с него деньги, но узнала, что жадная Беяницкая ничем не поделилась, и свеликодушничала. Подарила почти новую вещь. Почему «почти»? А потому, что сдуру успела попользоваться – побрила ноги. Щетина на них после электрического бритья вдруг поперла грубая, темная, как на подбородках кавказцев. Маргоша испугалась, снова перешла на станок и рада была избавиться от «Бердска».

В общежитии жалели Кузьму за детскую беспомощность. Баянистка Римма Осиповна взялась готовить ему впрок котлеты, варила щи и солила сало, за продуктами он ходил с ее бутузами. Прикормленного им обнаглевшего Геббельса устали выгонять со второго этажа.

Артистом Нарышкина в театре сочли средним. Звезд с неба он не хватал, то есть не брал верхних теноровых нот. Тем не менее голос был гибкий, приятного тембра, с тяготением к баритональным обертонам и обволакивал слушателей доверчивым теплом. Нарышкин часто выступал по радио и пользовался успехом на торжественных мероприятиях. На публике он преображался, – очевидно, срабатывали гены. Человек внушительных габаритов, с лицом несколько отрешенным, что зрители воспринимали как одухотворенное, с художественной гривой до плеч, Кузьма Нарышкин выглядел солидно. А перед выходом на сцену кому-нибудь за кулисами поручалось проверить, все ли у него в порядке. Он мог предстать

перед залом всклокоченный, в незашнурованных туфлях. Очутившись в толпе, Нарышкин возвышался над всеми, словно растерянное дитя с планеты каких-то великанов...

Однажды в гости к артисту Дмитрию Филипповичу пришел доктор Штейнер, постоянный спутник летних агитбригад. Пока они покуривали в кухне, а Маргоша варила суп, она нечаянно стала свидетелем разговора о Кузьме. Слова Якова Натановича поразили ее и опечалили.

– Презанятный субъект, – рассуждал доктор, – спокоен, даровит, отличный слух, идеальная певческая память. Область тонкая, не каждому дано, а ведь у Нарышкина, похоже, легкая форма *debilis*. Знает только музыку, пение и ничего, что нужно для жизни. Весьма любопытный случай.

– Оригинал, – сказал Дмитрий Филиппович, и оба рассмеялись, потому что оригиналом считался он сам, редкий бас-октавист и несносный пропойца. Штейнер, между прочим, обязан был следить за ним во время агитпробега. Не раз бывало, что профундо его подводил и напивался в зюзю.

А во время традиционного весеннего субботника Кузьма Нарышкин показал, как добросовестно умеет трудиться. Он собрал раскиданную по двору поленницу, начисто выскоблил широченную деревянную площадку перед общежитием. Все видели – физическая работа нравится Нарышкину и нисколько его не напрягает. Неожиданно выяснилось, что у него день рождения, и решили справить маленький праздник в приятельском кругу.

Круг посовещался насчет подарка и сложился деньгами. Женя Дядько с Дмитрием Филипповичем побежали за подарком на толчок, а Маргоша – на рынок за рыбой и репчатым луком для кубинского пирога. Иза Готлиб поставила тесто.

Стряпать этот пирог научила Изу институтская подруга Ксюша из Забайкалья, а Ксюшу – студент МГУ Патрик Кэролайн. Оставив любимой на память пирожный рецепт и сына Николая Патриковича, он стал большим человеком на Кубе. Сын, говорила Иза, был экзотически красив, блюдо же готовилось просто. Когда поднимется дрожжевое тесто, замешенное на теплой воде с яйцом и сливочным маслом, нужно добавить лимонную кислоту и подождать еще час. Рыхлое тесто вынимается чайной ложкой, полученные шарики пассируются в комбижире. Затем они выкладываются на противень, закрываются рыбным филе с кольцами лука; не забудьте присолить-поперчить! Сверху снова шарики – и в духовку. Можно примазать майонезом, но и без него сойдет.

Маргоше повезло выторговать крупного чира². Осталось всего пять копеек. На рынке пятак – подари просто так, а в магазины лук завозят не раньше, чем в сентябре. Внезапно она услышала за спиной:

– Смотри, Гиви, какой белый дженчин!

Сочетание обесцвеченных добела волос, пышной груди и тонкой талии производило сложное впечатление на мужчин в кепках-аэродромах. При виде Маргоши носачи начинали раздувать ноздри, плотоядно причмокивать и цокать языками. Рефлексы были нечетко выраженными, но некий голод определенно присутствовал.

Подойдя к прилавку с золотым луковым холмиком, она скромно опустила подклеенные ресницы:

– Взвесьте, пожалуйста, одну.

– Одну килограмм? – затрепетал продавец над вожделенным бюстом.

– Вот эту, – выбрала Маргоша среднюю луковицу.

– Вах, какой грустный эпох наступил, – покачал грузин поникшим носом и козырьком. – Без денга бери. – И прибавил к луковице две крупных.

² Чир – озерно-речная рыба рода сиговых.

Кроме пирога, Иза испекла лапшовую запеканку, тоже по рецепту Ксюши и ссыльной докторши-немки. Отварную домашнюю лапшу Ксюша смешивала с обжаренными до хруста кубиками ржаного хлеба и переслаивала, чем придется, от чернослива до творога. Вариант «богемской» начинки получился роскошным: мясной фарш, лук и сырная крошка сверху.

Дмитрий Филиппович вручил Нарышкину общий подарок. Это были великолепные концертные туфли кустарного армянского предприятия, сорок пятого размера, изящно закругленной формы с лакированным носком. А главное – без шнурков! Заставили Кузьму примерить и облегченно вздохнули: туфли сидели как влитые.

Дядько произнес поздравительную речь. Чокнулись стаканами с морсом. Ни пива, ни водки в этот раз не было. Дмитрий Филиппович в энный раз «вкололся», ни к чему соблазнять, а Кузьма не пил вообще, – кажется, и не пробовал. Ел он опрятно, как хорошо воспитанный ребенок, не сутулился, не клал локти на стол, с расправленным на коленях чистым рушником вместо салфетки. Маргоша ошиблась, считая Нарышкина ровесником, он был младше ее на целых пять лет.

– Лапша по-немецки! – воскликнул Женя, крутя носом над запеканкой. – Мамма миа, я становлюсь ценителем бюргерской кюхен!

– У нас с мамой было немецкое фортепиано «Paul Scharf», – робко сказал Нарышкин, и глаза его повлажнели.

– Кюхен, киндер, кирхен, – передернула плечиком Беляницкая. – По отношению к женщине все мужчины – фашисты...

Разрыв с поклонником временно преисполнил Людмилу злом. С помощью калорийного пирога и уважения к Кубе, родине могучих бородатых революционеров, она надеялась поправить себе настроение.

Маргоша, кстати, тоже переживала неприятности, но другого рода. Несмотря на гастроли и проверенные на северных зрителях танцы народов мира, ее не взяли в концертно-эстрадное бюро. Варя, вечный парламентар за «своих», конфузливо уведомила Маргошу, что до директора дошли какие-то слухи, будто она занимается фарцовкой. Начальству, понятное дело, не нужны были проблемы с законом.

Маргоша догадывалась, откуда ветер дует. Мир между двумя балеринами, ею и Беляницкой, всегда был шаток. Когда-то Маргоша отбила у Людмилы мужчину из ответственных. Обе знали, что он женат и связи его поверхностны, но уязвленная соперница год не разговаривала с Маргошей. Выходит, все еще помнила и не простила.

– Мне эти три женских «к», наоборот, по душе, – Римма Осиповна продолжила «немецкую» тему.

– Что хорошего? – скривилась Беляницкая. – Дети орут, кастрюли кипят, у женщины одна мечта – в церкви отдохнуть, такая жизнь тебе по душе?

– А для чего мы, Люда, думаешь, созданы?

– Для восторга и любви! – Людмила с пафосом взмахнула рукой. – Долой фартуки и корыта!

– У нас, о чем ни скажи, либо «да здравствует», либо «долой», – хмыкнул Женя Дядько, и Беляницкая завелась.

– Любая из нас в первую очередь ждет любви! Будь женщина шалава из шалав, пьянь-рвань, смотреть не на что, а все равно ждет – хоть в одном-единственном словечке! Уж она его, крохотное, из кучи матерщины выпепит, вынянчит, поставит его выше обид, помнить будет всю оставшуюся жизнь! Такими нас, женщин, создала природа!

Римма Осиповна попросила одного из своих бутузов достать с полки старый номер журнала «Советская женщина».

– Слушайте, что пишут: «Семейное законодательство подтверждает центральную роль женщин в семье. Женщине обеспечиваются социально-бытовые условия для сочетания

счастливого материнства с активным участием в производственной и общественно-политической жизни».

– Ура, и что?

– Нет никакого ура. Есть плохие условия и вред материнству. Летом меня обязали ехать в агитбригаду. Ума не приложу, куда мальчишек деть. К бабушке везти? Я, конечно, понимаю – какая песня без баяна, но, боюсь, мои проказники маму с ума сведут...

– А ты их с собой возьми, – предложил Дмитрий Филиппович. – Вояж не наземный, по реке.

– Возьмите, Римма Осиповна, – поддержала Полина. – Я еду, Кузьма едет, Изу обещали из ДК отпустить. Поможем!

Полина обвела всех глазами, а Маргошу мягко обошла. Народу, конечно, уже известно, что в бюро ей дали от ворот поворот. Чертова Беляницкая...

– Возьмешь? – затеребили мать бутузы. – Дяде Диме даже Фундо разрешают на гастролы брать!

– Посмотрим...

– Будет врач Штейнер, – сказал Дмитрий Филиппович. – Лектор, аптека, торговая лавка. А инструктора и уполномоченного по зрителям, говорят, опять сменили. Что-то не держатся они у нас.

– О-о, я видела нового инструктора, – вновь оживилась Людмила. – Красавчик! Говорят, разведенный. Мне, что ли, в бригаду записаться? Сколько там за «полевые» добавляют?

– А отпуск, Люда? – ласково напомнила Римма Осиповна. – Ты же вроде на море собиралась.

– Да, в Сочи, – опаматовалась Беляницкая, доклевала кукольную порцию пирога и вытерла губы рушником, бесцеремонно сдернув его с колен Нарышкина. Засмеялась: – Геббельса заберите в придачу!

Сидящий под столом пес услышал свою кличку и вопросительно тявкнул. Бутузы сползли к нему скормливать корочки международных блюд. Римма Осиповна нащупала и погладила головы сыновей:

– Ладно, попробую уговорить директора. Хоть накупаемся вволю.

Трезвый Дмитрий Филиппович долго за столом не засиживался. Еда в качестве пищи, а не закуски его не очень интересовала. Иза тоже куда-то заторопилась. Встала и Римма Осиповна, вытолкала сытых бутузов с Геббельсом из-под стола.

– Спасибо всем, – поклонился, как на сцене, румяный от смущения Нарышкин. – Я не ожидал... Такой замечательный подарок... Такой замечательный пирог... Спасибо, девочки.

Когда дверь затворилась, Беляницкая съехидничала:

– На здоровье, мальчик. (Видимо, калории не пошли впрок ее настроению.) Двое спиногрызов у нее, еще этот в сыновья лезет!

– Тебе-то что? – вскинулась Полина.

– Жалко Римму. Он же как мужчина никакой.

– Жалко у пчелки, – сказала Полина грубо. – Спала с ним, что ли?

– Еще чего! Тут рентгена не надо. Мне жаль, что Кузьма эксплуатирует Риммин материнский инстинкт.

Полина ушла, остались в кухне вдвоем. Женя курил у окна, Маргоша начала убирать посуду.

На Людмилиной тарелке ужинали проснувшиеся весенние мухи. Беляницкая ела так мало, что после нее всегда оставался ресторан для насекомых. Сладко потянувшись, она мечтательно застыла, и шелковый халатик нежно обтек ее выпуклости. Танец не успел сплести жесткий канат из мышц балерины, к чему она, созданная для любви и восторга, столь опрометчиво стремилась. Мухи начали умыть прыгуневые головки.

– Эти уже расплодились, – очнулась статуя и, подойдя к Дядько, облокотилась о подоконник. – Слушай, а правду говорят, что ты жену бросил?

– Правду. Только не я ее, а она меня.

За окном счастливый Кузьма рассекал лед лужи болотниками Жени, таская за собой привязанный за веревку плотик. На плоту, подняв вверх палку с лоскутом кумача, стояли довольные бутузы. Все трое были без курток, замерзли, а мальчишки еще и набродились в ботинках. Женя постучал пальцем в стекло:

– Эй, папанинцы!

Форточка была открыта, но его не слышали. Вокруг лужи, виляя хвостом, скакал и лаял Геббельс. Бутузы призывали его к себе. Геббельс любил бутузов и Кузьму всей собачьей душой и прыгнул бы немедленно, если б кто-то из них тонул, но не собирался лезть в ледяную воду без весомой причины.

– Заболеют! – возмутился Дядько. – Куда мать смотрит? Спит она, что ли, эта Кузькина мать?!

– Ты о Римме?

Не ответив, Женя побежал гнать детей домой.

Беляницкая насмешливо улыбнулась Маргоше:

– Что, проворонила Кузьку? – И, напевая «ля-ля-ля», удалилась.

«Гадина, – в бессильной ярости подумала Маргоша. – Ах, какая гадина, мерзкая гадина, Леблядица...» Броситься вслед с наостренными ногтями не осмелилась. Людка доказала свою злопамятность и умение мстить.

...Бутузы не заболели. Заболел Нарышкин. Ночью Маргоша услышала через стенку стон: «Мама», потом вскрик, негромкий, но протяжный и жалобный. Накинула халат, на цыпочках пробежала к двери соседа и прислушалась. Стонов больше не было, доносился только странный хрип. Дверь оказалась незапертой и сама распахнулась, пропуская Маргошу вперед. При свете луны она увидела одетого Кузьму, спящего на кровати со свесившейся вниз головой. Подушки Маргоша не нашла, не без труда перевернула грузное тело, опавшее ее влажным кисловатым жаром, и подложила под голову куртку. Включила торшер.

– Мама, – снова простонал Кузьма и заметался. Левая рука сильно ударялась о стену, он не чувствовал боли. По вискам катился пот, на щеках темнел багровый румянец. Маргоше стало страшно. Не разбудить ли Римму? Помешкала. Нет, Римме утром рано вставать, вести мальчишек в садик. Ладно, как-нибудь сама...

Губы Кузьмы, обметанные в углах белесой сухостью, мелко потрескались, а ни в ведре, ни в чайнике ни капли воды. Маргоша сбегала к себе, принесла литровую банку с кипяченой водой, подушку и градусник.

– Кто вы? Что вам надо? – пробормотал больной, приоткрыв отсутствующие глаза, но жадно опустошил почти всю банку и откинулся к стене. Маргоша придавила его плечо подушкой, чтобы не болтал рукой. Через пять минут посмотрела на градусник – боженьки мои, сорок с половиной! Необходимо вызвать «Скорую». Спустилась к телефону на первый этаж. К счастью, дежурила не ворчливая Прокопьевна, а новая добрая вахтерша.

По 03 ответили: масса детских вызовов, а машин не хватает, к детям в первую очередь. Врача отправим к вам, скорее всего, под утро. Судорог же нет? Дайте аспирин, попробуйте сбить температуру уксусной водой. Да, обтирание, и как можно больше питья. Не вздумайте кутать, пока жар. Потерпите...

Кузьму знобило, но лоб и щеки горели. Плюнув на приличия, – не пропадать же человеку! – Маргоша раздела соседа. Задрала гачи тонких кальсон до колен, растерла грудь, плечи и ноги полотенцем, вымоченным в уксусной воде. Он пришел в себя, что затруднило целительские усилия: поджался, стесняясь, уставился испуганно и молча, словно женщина

не лечила его, хворого, а на него покушалась. Маргоша, так же молча, кинула на Кузьму банное полотенце, висевшее на спинке кровати. Померила температуру – тридцать восемь и пять. Слава богу, начался спад. Присела на табурет обдумать дальнейшие действия и вздрогнула – заметила за огромным нарышкинским шлепанцем крысу с длинным хвостом. Крыса была плоская. Мертвая, раздавленная...

Всмотревшись, перевела дух: варежки испугалась! Варежки, связанной из серого кроличьего пуха. То, что почудилось хвостом, оказалось порванной тесемкой. Матери пришивают к рукавичкам маленьких растеряш тесьму или резинку и пропускают ее через петлю под воротником. Значит, Кузьма тоже часто терял мелкие предметы одежды. Взрослый мужчина, смех и грех... А вот и вторая чуть подальше. Эта лежала ладонью вверх, будто чего-то просила. Такие жалкие, большие и одновременно детские варежки. Если бы их нашел какой-нибудь новоявленный Шерлок Холмс, он за считанные секунды раскрыл бы характер владельца. Впрочем, тут сыщиком быть не надо, чтобы обо всем догадаться... Маргоша нагнулась поднять варежки и обнаружила под кроватью хозяйскую подушку.

Кузьма натянул полотенце до подбородка. Стараясь не раздражаться, Маргоша поменяла подушки. Сказала, глядя в окно:

– Вода и аспирин на тумбочке. С таблеткой не торопитесь, одну я дала вам полчаса назад. Если будет совсем плохо, постучите в стенку, я приду. Утром приедет врач.

– Спасибо, – просипел Кузьма и вдруг быстро коснулся горячими пальцами ее руки. – Подождите... Мне уже плохо.

Он был прав: температура опять поднялась. Пришлось повторить обтирание, которое почему-то не помогло. Нарышкин горел на медленном огне и скоро впал в беспамятство, отталкивал банку, разливал воду, бредил. Больному казалось, что он находится в харьковской квартире с какой-то посторонней женщиной, – может быть, с женой. «Уходи!» – махал он на Маргошу руками, но когда она порывалась бежать к Римме или Дмитрию Филипповичу, цеплялся на грани сознания и забытья: «Подожди... подождите, пожалуйста».

В одно безумное мгновение он откинул мокрое полотенце и судорожно затрясся то ли в лихорадке, то ли – кошмар и ужас! – в агонии. Тогда Маргоша от безнадежности села на кровать, уложила голову бедняги себе на колени и принялась покачивать, как ребенка. Он внезапно затих, попил воды и погрузился в тяжелый сон. Измерять температуру не имело смысла – тело пылало.

«Третий час, сколько еще ждать?» – тосковала Маргоша, вытирая полотенечным краем пот с лица Кузьмы. Щетина на плохо бритом лице пробивалась клочками, виднелась ссадина на скуле, где дернула электробритва. Маргоше ли не знать, как дергает дурацкий «Бердск»? Не умеют наши делать простые хорошие вещи. Не до того. Ракеты в космос запускают, а бытового удобства людям – пшик.

Она подтащила подушку под голову Нарышкина. Повернувшись набок, он просунул руку под Маргошин локоть, обвил спину и схватился за пояс халата. Сложно стало уйти.

Лицо его кривилось, – плакал он, что ли, там, во сне? Под веками двигались неспокойные глазные яблоки, и светлые ресницы трепетали, как семенные волоски одуванчика на ветру. Захотелось подуть на них. Подула – не улетели... Зачем мужчине такие длинные пушистые ресницы?..

Маргоша вздохнула. У нее вообще не было ресниц. Выпали из-за клея. Почти все девчонки в кордебалете раньше клеили накладные, и она клеила. Теперь в исключительных случаях, в остальное время жирно подводила глаза карандашом стрелками к вискам. Покупала на «барахле» дорожную компактную пудру, сухие тени с легким блеском, предпочтительно импортные; румяна и несколько сортов приглушенного цвета помад. Знала хитрость, как ярче выделить абрис губ: очерчивала их светло-бежевой меловой пылью тонко-тонко,

беличьей кисточкой. Брала этот тертый с красителем мел у цыганок, те продавали под видом теней...

Свое лицо Маргоша не любила. Так себе оно было, страшненькое. Без макияжа не отваживалась выйти даже в туалет. Шутила, что физиономия ее, отмытая от шедевра изобразительного искусства, похожа на попу в бане. Бывшая соседка Варя всего раз видела Маргошу с чистым лицом и не сумела скрыть шока. Маргоша сама только с подготовкой смотрела в зеркало, иначе испугалась бы на всю оставшуюся жизнь, как еж из поговорки. А наведешь живопись – и любуйся. Симпатичная женщина, приятнее многих, той же, к примеру, остроносой и тонкогубой Беляницкой.

Вот мать Нарышкина, судя по портрету, была красавицей от природы. Портрет висел между двумя полками прямо напротив. Крупное породистое лицо, выразительные глаза, светлые волосы выются пышными волнами. Маргоша подумала, как же, должно быть, плохо Кузьме без матери. Все оставил в квартире, полной нот, книг, пластинок, дорогих и необходимых вещей, но снял портрет со стены, сиявший над старинным клавиром. Завернул рамку бережно, опасаясь разбить стекло, и взял... Куда б ни забросила судьба, наверное, всегда брал бы с собой именно это – матери бесценный портрет.

Кузьма пошевелился, завозил рукой. Маргоша мысленно сказала ему: «Не шебаршись, видишь – на твою маму смотрю». Рассеянно промокнула полотенцем пот, стекавший по его пунцовому лицу, и замерла: шероховатые после субботника пальцы Нарышкина заелозили по ее плечу. Видимо, поясок развязался, и спущенный шалевый воротник обнажил плечи, ведь она, торопясь сюда, сняла ночную пижаму и накинула халат на голое тело.

Маргоша попробовала отстраниться – воротник совсем распахнулся. Палящее лицо Кузьмы привалилось к груди, раскрытые губы зноем опалили сосок, обхватили его туго, жадно. Присосался в горячке, как слепой кутенок... Нечаянно... Не заподозришь в коварстве неразумного от зашкалившей температуры. Маргоша выпрямилась, села удобнее и полностью выпростала грудь. Впервые подумала хорошо о ней, столько профессиональных неприятностей принесшей в жизни.

Странные ощущения испытывала Маргоша. Из женской глубины, из живота через сердце, что-то нежное с ноюще сладким потягиванием прилило к соскам. Не молоко, конечно, неоткуда взяться молоку, но непостижимая эта секреция была как будто зачатками молозива, не перепавшего никому. Засохшее, оно вдруг размякло во влаге пылкого мужского рта и потекло по пустым железам.

Со смятением смотрела Маргоша на портрет. Смутные мысли клубились в голове – ее собственные и словно не ее, неизвестно чьи, непонятно что силящиеся подсказать.

Мысли были о женщине. Она любила сына болезненной, страстной любовью, – так любят, когда знают, что дитя неполноценно. Вероятно, поэтому, с горечью оберегая славную память о фамилии своей музыкальной семьи, женщина сохранила за мальчиком фамилию мужа. Муж не имел никакого отношения к музыке и, по большому счету, к жене и сыну, потому что покинул их сразу же, едва стало известно о беде.

Матери удалось смягчить начальный диагноз. Вялый, заторможенный мальчик поздно пошел, заговорил еще позднее, но врачей впечатлила его активная реакция на музыку. Появилась надежда если не на полное, то на значительное восстановление интеллекта. Женщина схватилась за этот шанс, как за помощь, предложенную ей с сыном свыше, – они были последними обломками рода, давно вросшего нотами в небо. Почивший строй профессиональных исполнителей – инструменталистов, дирижеров, певцов – действительно поддерживал потомка. Мальчик дышал музыкой, воспринимал ее почти рефлекторно, как запах и вкус, и на фоне ее развивался. Светлый пласт корневой породы проступил в темноте наносных слоев – разум взмошел над слабоумием. Однако инфантилизм, как червь, подточивший незрелый плод, остался.

Чувство музыки спасло мальчика, но по-настоящему, по-дедовски, он никогда не воспроизвел бы ее медлительными пальцами. Исполнителем ему было не стать, но женщина не сдавалась. Привлекла все свои материнские и человеческие силы, чтобы он мог жить среди людей не изгоем и зарабатывать, чтобы жить. Думала о его будущем, как всякая мать. Соседи бесились от бесконечных гамм и упражнений. Мальчик был на удивление усидчив и часами без толку повторял одно и то же. Мать использовала сочувствие преподавателей к угасшей фамилии, пускала в ход старые семейные связи, поверхностные знакомства. Не гнушалась во имя сына ничем – подарки, взятки, мольбы, слезы... Он учился, застенчивый, замкнутый, привыкал к жестокости одноклассников и, сознавая свою обособленность, с великим трудом преодолевал класс за классом средней и музыкальной школ.

Непостижимые математика и сольфеджио. Репетиторы, экзамены, концерты, провалы. Хоры, пение. И тут что-то взблеснуло. Выяснилось, что отклонения не затронули инструмент, из которого получилось извлечь золотые крупницы диапазона и тембра. Большой талант все равно бы не выпел, особым голосовым дарованием мальчик не был отмечен, но ожили все наследственные остатки, ложечные их поскребушки. Помогло воспитанное упорство, а также Чайковский, Моцарт, Бетховен и остальные... Мать выдрала из когтей патологии генные способности сына.

Маргоша видела сквозь портрет все. Проникалась страшным горем Кузьмы после смерти единственного любимого человека, испытывала вместе с ним глубокое разочарование в скоропалительном браке. В ней закипала злоба к бессовестной прохиндейке, воспользовавшейся глубокой растерянностью взрослого ребенка. Воображение ярко рисовало эту гадину в образе бабы вздорной, остроносой и тонкогубой...

Нарышкин спал спокойно, как насосавшийся младенец, хотя притронуться к пламенеющим щекам было по-прежнему страшно. Маргоша сама умирала от жары. Она встала, привела себя в порядок и протерла укусушным полотенцем его спящее тело. Кузьма не проснулся.

Ей не спалось, уйти она не могла. Села ждать «Скорую». Размышляла о матери. О своей. Толстая, крикливая Маргошина мать жила в провинциальном городке и работала в столовой автоколонны. Отец до конца своей недлинной жизни проявлял любопытство с кулаками и зуботычинами, как это жена родила от него, могучего, такую субтильную дочь. Удивился бы сильнее, но ко времени, когда приезжая комиссия по отбору детей в балетное училище нашла в восьмилетней девочке какие-то специфические данные, он уже погиб, разбившись в аварии. Маргошу взяли, не зная о будущем росте ее груди. Это вечно порицаемое материнское наследие не лезло в стандартные сценические костюмы, стоило балерине многих унижений и сильно попортило ей карьеру.

Маргоша навещала родной городок нечасто, в последние годы раз в пятилетку. Мать стыдилась ее чуждых манер и речей, «махания ногами» – так представляла чепуховую работу дочери, и говорила: «К твоим бы, Ритка, титехам да ляжки бы шире, а то как драная кошка, ходишь». Не по расстоянию были далеки они друг от друга.

...Согласно честному предупреждению, «неотложка» приехала под утро. Усталый врач спросил: «Кто вы ему?» Маргоша, краснея, ответила свистящим шепотом: «С-с-соседка». Врач посмотрел на нее с подозрительной, показалось, усмешкой, и Маргоша с вызовом пояснила: «Да, соседка! Услышала стоны и помогла погибающему человеку». От обиды у нее поднялось давление, но не попросила проверить.

Кузьма полторы недели лежал с пневмонией в больнице, затем долечивался дома. Маргоша перешла из ведомства культуры в систему образования и начала вести танцевальные кружки в Доме пионеров. Деньги обещали те же, что и в театре, то есть маленькие, зато работа была интереснее, и свободного времени стало больше.

Время требовалось для ухода за соседом. Маргоша варила ему прозрачные бульоны, взбивала гоголь-моголь и старалась не накручивать себя замаячившей угрозой вылета из

Богемы. Думала, помнит ли Нарышкин о нечаянном пробуждении своего младенческого инстинкта в ночь болезни, и любовалась, с какой ресторанной аккуратностью он ест. Что бы ни говорил о Кузьме доктор Штейнер, Маргоша убедилась – никакой он не *debilis*. Прекрасно сохранились в нем и династическое благородство, и аристократизм. Беяницкая потешалась над Кузьмой в театре, Маргоше передавали. Рассказывала скабрёзные байки об их якобы связи. Еле сдерживая жгучую тягу исцарапать Людке ее подлую морду, Маргоша в минуты особенной ярости желала ей заочно всяких неудач вплоть до расстрела за спекуляцию. А заодно и Штейнеру... Сейчас же начинала ругать себя, жалела Якова Натановича, у которого отца с дядей расстреляли в 30-е по политической статье, и прощала неприкаянную, озлобленную одиночеством Беяницкую. Маргоша была такой же совсем недавно, а теперь без страха смотрела вперед. Пусть Кузьма не хватал с неба звезд, но ведь и она не хватала. Им обоим чего-то не хватало (ей, например, жилищной уверенности и ресниц).

В начале лета Маргоша сделала Кузьме предложение, сам бы не догадался. Они сыграли «богемскую» свадьбу. Беяницкую не обошли приглашением, но после она все равно разнесла, будто Маргоша подсуежилась потому, что ее намеревались выкинуть из общежития, а теперь по законному расчету поселилась в комнате Нарышкина в качестве семейного приложения.

На свадьбе в голове невесты, честно сказать, нет-нет да вертелись не очень давние слова Беяницкой про «рентгена не надо». Сомневаясь в мужской дееспособности жениха, Маргоша героически готовилась принести в жертву интимную часть супружеских отношений. Главное же, в конце концов, не это, главное – радость жить не только для себя... Но все оказалось в порядке и под тактичным руководством получило дальнейшее развитие. Маргоша тихо удивилась, что Кузьма, человек разведенный и заново женатый, понятия не имеет об одной из основных функций свадебного обряда. И кому какое дело, кто из новобрачных лишился целомудрия в первую брачную ночь, – их счастье стало полным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.